

Т-78
ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

1-го М. Г. У.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
проф. А. И. НЕКРАСОВА

Издательство 1-го Московского Государственного Университета
МОСКВА

1927

Э-91

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

**ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

902.7
Э91

ТРУДЫ

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

1-го М. Г. У.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ проф. А. И. НЕКРАСОВА

Издательство 1-го Московского Государственного Университета
МОСКВА 1927

БИБЛИОТЕКА
Инв. № 2150

ПРОВЕРЕНО

W

От редактора

Настоящий сборник Трудов Этно.-Арх. Музея 1-го М. Г. У. составилсЯ как из работ по кафедрам, обслуживаемым Музеем (восемь статей, из них одна— работа студента), так из публикаций памятников, принадлежащих Музею (три статьи). В конце дается краткая хроника Музея за время 1 марта—31 декабря 1926 г., имевшее большое значение в жизни и развитии Музея.

Сравнительно с предыдущими выпусками, увеличение размеров сборника и полнота научных дисциплин, в нем представленных (этнография, археология, палеография, искусствознание) уже сами указывают, что предпринятый Музеем опыт ввести в свою деятельность научное издательство оказался правильным. Как из содержания статей сборника, так и из хроники Музея видно, что Музей вошел в общую жизнь Этнологического Факультета, найдя себе почву во всех отделениях Факультета. Следует надеяться, что Труды Музея завоюют себе подобающее место также и за пределами Этнологического Факультета 1-го М. Г. У.

К вопросу о природе брачно-групповых отношений в Австралии.

В сложном вопросе о форме первичных брачных и семейных отношений человечества довольно видное место занимала характеристика и оценка описанных Гауитом (Howitt), а также Спенсером и Гилленом (Spencer a. Gillen) некоторых форм брачных отношений у австралийских племен Dieri и Urabunna. Действительно, если твердо придерживаться указаний названных авторов, то описанные ими формы брачных отношений—*pirraungu* у Dieri, *pirraungaru* у Urabunna могут быть приняты, как весьма веский аргумент в пользу сторонников теории группового брака и еще более широких брачных отношений, существовавших до возникновения индивидуализированного парного брака. В самом деле, Гауит считает, что у Dieri имеется лишь „зародыш индивидуального брака“, что у них „каждая женщина потенциально групповая жена“¹⁾. У описывающих гораздо менее ясную практику брака *pirraungaru* у Urabunna Спенсера и Гиллена утверждения, тем не менее, еще более категоричны—„Индивидуальный брак не существует ни по имени, ни на практике в племени Urabunna“ или „Нет такого явления, как индивидуальная жена“²⁾. Таким образом, если точно придерживаться общих заверений этих австраоловедов, вопрос может считаться вполне решенным. И, тем не менее, возникают сомнения в точности и полной достоверности этих и более и менее категорических утверждений.

Чисто формальным доводом, но уже ставящим эти утверждения под знак вопроса является следующий: ни Гауит, ни Спенсер (Гиллен здесь вряд ли при чем) не являются чистыми наблюдателями, но сторонниками определенной теории происхождения брака и семьи. Разумеется—„чистое наблюдение“ даже в описательной этнографии явление сравнительно редкое. Сознательно или незнательно известная теоретическая установка может часто влиять на описание сделанных этнографических наблюдений и тем самым понижать их непосредственную ценность. В таком случае задачей этнолога является очищение данного материала от теоретических шлаков,—иначе говоря, необходимая для историка культуры критика источников. Гаупт и Спенсер несколько не скрывают, что заключения об их наблюдениях укладываются в рамки вполне определенной теории. Так, для Спенсера все его наблюдения о брачных отношениях туземцев центральной Австралии свидетельствуют о трех фазах развития в истории австралийской семьи,³⁾: 1) Современного нормального состояния индиви-

1) Howitt. The native tribes of South East Australia. Lond. 1904, p. 179.

2) Spencer a. Gillen. The native tribes of Central Australia. Lond. 1899., p. 63, 108.

3) Spencer a. Gill. op. cit., p. 108.

дуального брака, 2) более ранней поры действительного группового брака и 3) еще более раннего времени, еще более широких брачных отношений. Основой для наблюдений Гауита является гипотетическое существование в австралийской древности так называемой „неразделенной коммуны“ (Undivided Commune)¹⁾, откуда он выводит целый ряд явлений социального быта Австралии. Именно поэтому те чрезвычайно ценные сведения, которые даются в трудах названных исследователей, должны быть всегда принимаемы с известной долей осторожности. Тем более это касается до приведенных выше их утверждений общего характера.

Переходя теперь к более детальному анализу брачных отношений *pirrauru* и *piraungaru*, следует прежде всего указать на чрезвычайную неточность тех типических понятий, которыми оперируют названные исследователи. Это прежде всего касается самого понятия „брак“. Несомненной заслугой Вестермарка следует считать установление того, что „брак есть нечто большее, чем урегулированная половая связь. Это есть экономическое учреждение“²⁾, что „имеется существенная разница между браком и просто половыми отношениями, хотя последние были бы и санкционированы обычаем“. И. Малиновский, несомненно, прав, отмечая, что подчеркивание „брачного характера отношений *pirrauru* и *piraungaru* со стороны Гауита и Спенсера есть „вводящее в заблуждение преувеличение важности половой стороны брака“. Как раз работа Малиновского выяснила то огромное экономическое значение, которое брак имеет для австралийца и этим самым подчеркнула экономическое значение семьи на ранних стадиях технического и хозяйственного развития. По существу брачные отношения человечества более базируются на семье, как единице общежития, чем на сексуальной близости. Поэтому нельзя говорить о браке, основываясь только на наличии половых отношений, — иначе пришлось бы применять этот термин при целом ряде обрядов гостеприимства, аграрных обрядов, обрядов ритуального распутства, что являлось бы прямым извращением здравых методологических предпосылок. Точно так же неясен и неопределенен смысл столь важного для Гауита и Спенсера термина „групповой брак“, которому вообще мало посчастливилось в этнологической литературе. Здесь по справедливому замечанию Томаса, вся тяжесть вопроса заключается в значении понятия „группа“⁴⁾. У Гауита и Спенсера наблюдается совершенно недопустимое с точки зрения научной терминологии смешанное употребление этого понятия и в смысле группы имеющей в каком-либо отношении реальное бытие (напр. тотемическая группа) и для обозначения простой арифметической совокупности индивидов. Интересно, что эта терминологическая невыдержанность повлияла даже на такого трезвого исследователя, как Малиновский, который все же считает возможным говорить о „групповом“ характере отношений *pirrauru*⁵⁾. Между тем никакой „группы“ при этих отношениях не имеется. Теоретически мужчина *A* может состоять в отношениях *pirrauru* с женщинами *a, b, c*; женщина *a* с мужчинами *ABC*; женщина *b* с мужчинами *ADF*, женщина *c* с мужчинами *AFG* и т. д. Таким образом, в отношениях *pirrauru* мы постоянно можем иметь противоположение индивида — мужчины с некоторой группой женщин, между собой, кроме своих отношений к данному индивиду ничем не связанных и, наоборот, противоположение индивида — женщины с некоторой группой мужчин, опять-таки, кроме

1) Howitt. op. cit. p. 173 sq.

2) Westermarck. The history of human marriage. 5-th ed Lond. 1921. I, 26. 71.

3) Malinowski. The family among the Australian aborigines Lond. 1913 в p. 120.

4) Thomas. Kinship organisations a. g. roup marriage in Australia Cambridge. 1906 p. 128.

5) Malinowski. Op. cit. p. 118.

своих отношений к данной женщине ничем не связанных. Разумеется, эти комбинации могут варьироваться, группы могут как бы пересекаться, но как правило, за исключением граничных случаев, будет всегда противоположение индивида одной или нескольким случайным и по случайному признаку объединенным группам, а не сочетание групп. Однако дело не только в теоретических неточностях Гауита и Спенсера—есть целый ряд неточностей и даже противоречий и в их конкретных описаниях. Одно из этих противоречий следует отметить немедленно. Гауит, описывая брачные практики Dieri, подробно описывает и существующий у них парный брак *tirra-malku* и только в своих теоретических комментариях тенденциозно характеризует этот тип брака, как только зародыш брака индивидуального. Спенсер поступает более своеобразно: после своих торжественных заверений о несуществовании у *Urabunna* индивидуального брака и индивидуальной жены, он неожиданно упоминает об „одной или нескольких из этих женщин *Nura*, доставшихся ему, как жены“ (*as wives*), и далее о „некоторых женщинах *Nura*, других нежели его собственные жены“ (*his own wives*)¹⁾. Это появление „собственных жен“ австралийца после отрицания даже существования индивидуального *resp.* парного брака чрезвычайно характерно для того смешения этнологической теории и этнографического наблюдения, которым не брезгует в своем изложении Спенсер. Наконец, самое описание института *riggaugu*, которое мы находим у Гауита, — описание института *piraungaru* у Спенсера до того общее, „*nearly worthless*“ по выражению Малиновского²⁾, что не дает достаточной почвы для исследователя, — возбуждает целый ряд недоуменных вопросов.

После описания существующего у *Dieri* парного брака *tirra-malku*, Гауит переходит к описанию отношений—для него они являются браком, *riggaugu*. Прежде всего надо отметить, что для женщины предварительный парный брак *tirra-malku* обязателен, для мужчин же нет.³⁾ Под самыми же отношениями *riggaugu* Гауит разумеет целый ряд довольно различных вещей. Здесь мы находим:⁴⁾ 1) Подобие группового брака между двумя братьями и двумя сестрами, которые все „обычно живут вместе“; 2) половые отношения, возникающие между вдовцом и женой его брата за определенный подарок; 3) половые отношения временного характера возникающие благодаря предоставлению хозяином своей жены гостю; 4) половые отношения, образующиеся вследствие особого социального веса данного индивидуума—его имущественного превосходства, силы и ловкости на охоте, особого успеха у женщин, и, наконец, занимаемого социального положения в совете стариков или в качестве вождя⁵⁾. В этом последнем смысле особенно интересен известный вождь *Dieri*,—*Jalina-Piraurapa*, у которого было около 12 жен *riggaugu* в своем собственном племени и, кроме того, добавочные „почетные“ *riggaugu* у соседних племен, среди которых он пользовался особым влиянием. Во всех этих случаях соблюдаются обычные нормы экзогамии. Уже из этого описания видно, что Гауит под отношениями *riggaugu* разумеет явления довольно пестрого и разнородного характера. Может быть эта диспаратность сведений Гауита объясняется тем, что он не является в данном случае непосредственным наблюдателем, а лишь передает наблюдения Гэсона и Зибберта, но все же это обстоятельство заставляет сугубо критически отне-

1) Spencer a. Gill. op. cit. p. 109.

2) Malinowski Op. cit. p. 118.

3) Howitt. Op. cit. 181, 183.

4) Howitt, *ibid.*

5) Howitt. Op. cit. p. 184.

стись к попыткам ввести институт *pirraugu* в историю семьи и брачных отношений как искомое звено группового брака.

Зато в описании Гауита на целом ряде примеров показывается, что отношения *pirraugu* стоят на втором плане по сравнению с парным браком *tirpa malku*¹⁾. Так, мужчина может осуществлять супружеские права по отношению к женщине, являющейся его *pirraugu*, только в отсутствие ее мужа *tirpa-malku* и, наоборот, жена *tirpa malku* имеет преимущество над женщиной *pirraugu* и в случае общей ночевки спит рядом с расположившимся около огня ее „законным“ мужем. Только в одном случае отношения *pirraugu* приобретают более реальный и „семейный“ характер— если жена *tirpa-malku* умирает, то женщина *pirraugu* принимает на себя заботы о детях умершей и, по рассказу Гауита, заботится о них не как мачеха, но с нежностью.

Наиболее существенным вопросом при критическом анализе институтов *pirraugu* и *piraungaru* несомненно является вопрос о происхождении этих явлений или, вернее, о той плоскости, в которой надо ожидать его разрешения. Здесь мы стоим перед альтернативой: либо эти институты являются пережитками „survivals“ каких-то более широких семейных союзов,—именно сюда клонятся соображения Гауита и Спенсера, либо эти институты являются благоприобретенными, продуктами исторической эволюции австралийского общества и притом продуктами весьма специфическими, свойственными, лишь „австралийской“ истории и даже развитию отдельных племен австралийского континента. Разрешение этой альтернативы возможно лишь при некоторой типизации тех явлений, которые у Гауита покрываются общим термином *pirraugu*. Судя и по самой характеристике покрывающихся этим термином у Гауита отношений и по дальнейшему его контексту признак социальной значимости данного индивида (мужчин) является самым существенным при их возникновении. Это становится еще более понятным, если принять во внимание чисто экономическое значение отношений *pirraugu*. Здесь Гауит отмечает целый ряд любопытнейших подробностей²⁾. Оказывается, что для мужчины чрезвычайно выгодно иметь наибольшее количество женщин *pirraugu*: ему приходится меньше утруждать себя охотой, так как его *pirraugu* снабжает его пищей при отсутствии „законного“ (*tirpa malku*) мужа; более того он может приобретать особое влияние в племени, ссужая при случае своих *pirraugu* тем молодым людям, у которых своих *pirraugu* не имеется, за особые подарки, и таким образом собирать некоторое количество вещей, оружия, при чем все это приобретенное имущество в свою очередь обращается на раздачу подарков влиятельным членам племени для повышения своего собственного социального значения. Если принять во внимание социальную характеристику австралийского общества с его геронтократическим строем, со всеми привилегиями, которые в этом обществе существуют для старшей возрастной группы в виде выделения для нее особо лакомых частей пищи, снятия ряда пищевых табуаций, выделения для нее наиболее молодых и красивых женщин, то характер рассматриваемого института станет еще определеннее. Старики, отмечает Гауит, неодобрительно смотрят на молодого человека, имеющего жену *tirpa-malku* или рано получающего *pirraugu*... Молодым людям говорят, что они чересчур молоды для женатой жизни, что они должны ждать до появления у них полной бороды“³⁾. В этих словах исследователя и заключается значение *pirraugu*, как института дополнительно обслуживающего олигархию стариков и наиболее сильных и влиятельных воинов и охотников пле-

1) Howitt, *ibid.*

2) Howitt. *Op. cit.* p. 184—185.

3) Howitt. *Op. cit.* p. 183.

мени. Отсюда становятся понятными и те не совсем вразумительные подробности, которые Гауит сообщает об обрядовой стороне заключения отношений *riḡaḡu* ¹⁾. Участие в этих обрядах главарей тотемических групп, а также совершение этих церемоний в большом масштабе, когда все женатые или могущие быть таковыми получают своих *riḡaḡu*, указывают, что влияние социальной среды в этих случаях крайне велико, что она имеет здесь почти решающее значение. В этом отношении совершенно прав крупнейший московский австраловед проф. А. Н. Максимов, настойчиво указывающий, „что в данном случае имеются совершенно специальные отношения, особо устанавливаемые для каждого отдельных лиц, санкционируемые и контролируемые обществом“ ²⁾. Но эта социальная среда действует в уже сложившихся геронтократических рамках и тогда отношения *riḡaḡu* являются со стороны этой среды одним из способов сохранить и существующий порядок и социальное равновесие племени. С одной стороны, создание отношений *riḡaḡu* закрепляет положение наиболее влиятельных членов племени и даже создает между ними некую условную связь, а, с другой, повидимому, в более редких случаях, — ставит еще неженатых молодых людей в тесную зависимость от решений стариков, которые имеют право распределения женщин *riḡaḡu*. Экономическая ценность женщины и испытываемый молодыми людьми недостаток в женщинах, влекущий за собой иногда даже половые извращения, подобные педерастии, делают из института *riḡaḡu* своего рода предохранительный клапан для сохранения устойчивости данной общественной формы. Вестермарк также указывает, что „обычай *riḡaḡu* есть последствие сравнительной редкости женщин и эгоистической тирании стариков“ ³⁾. На эти же свойства *riḡaḡu* обращает внимание в упомянутой уже статье и проф. А. Н. Максимов, опять-таки подчеркивающий „институтивный“ характер этого явления, созданного для сохранения в племени внутреннего мира и обеспечения мужчин женщинами. ⁴⁾ Но особенно важными представляются все же экономическое значение и последствия данного института, а эти его свойства таковы, что позволяют сделать лишь одно заключение, что этот институт мог возникнуть лишь в таком обществе, где появились уже зачатки известной экономической и социальной дифференциации и поэтому отношения *riḡaḡu* являются не пережитком предполагаемых более широких брачных отношений древности, а исторически обусловленным явлением.

Есть даже гипотетическая возможность показать, что, по крайней мере, одна черта отношений *riḡaḡu* — предоставление уже замужней женщины неженатому молодому человеку является сравнительно поздней. Возможная у *Diegi* форма брака между материнским дедом и его внучкой имеет свой аналог в возможности подобного же брака на острове Пятидесятницы, открытого и описанного Риверсом. ⁵⁾ Рядом с этим браком на острове Пятидесятницы существовал столь же аномальный брак с женой материнского дяди. Для Риверса оба эти явления объясняются прежним существованием в Меланезии геронтократической олигархии, члены которой присваивали себе молодых женщин, мужьями которых они имели право быть. ⁶⁾ Результатом таких порядков было присвоение молодых женщин стариками, которые, в конце концов, принуждены были делиться своими женами с более молодыми людьми. В том случае, если старик

1) Howitt. Op. cit. p. 181.

2) Максимов. Групповой брак Этногр. Обзор. кн. 78. М. 1908. Стр. 21.

3) Westermarck. Op. cit. vol. III p. 256.

4) Максимов Op. cit. стр. 36.

5) Rivers. The history of Melanesian society. Cambr. 1914. vol. I, 199, vol. II. 47

6) Rivers op. cit. vol. II., p. 59, 60.

отдавал одну из своих молодых жен сыну своей сестры и возникала вторая из упомянутых форм брака. Конечно, здесь мы имеем дело только с гипотезой, но гипотезой хорошо фундированной и вероподобной.

В таком случае, мы имеем подобие *pirrauru* и на меланезийской почве, так как возможно, что эта жена материнского дяди не сразу переходила к племяннику, а первый сохранял на нее в течение некоторого времени, может быть, и преимущественные права. Аналогичность социальных систем *Dieri* и дальней части Меланезии все же говорят за себя. Тогда отношения *pirrauru* являются уже плодом разложения геронтократического общества, при помощи которых геронтократия удовлетворяет нужды не только самых влиятельных членов племени, но иногда и просто молодых людей. Именно поэтому Гауит не говорит, что *pirrauru* пользуются старики, а дает знакомое уже перечисление чем-либо выдающихся членов племени. Но понятно и стремление геронтократии сохранить этот социальный регулятор, по возможности, в своих руках.

Как бы то ни было, можно с достаточной долей уверенности утверждать: 1) отношения *pirrauru* (или *piraungaru*) не являются браком в строгом смысле этого понятия; 2) в них нет элементов полового общения между двумя группами индивидов; 3) они служат, главным образом, признаком социальной значимости данного индивида и отчасти регулятором сложившихся при геронтократии половых отношений; 4) они не могут рассматриваться как пережиток более широких половых отношений общества более древней формации, но по своей экономической характеристике мыслимы лишь как исторически сложившийся институт на почве такого общества, где уже начали появляться первые признаки экономической и социальной дифференциации.

II. Преображенский.

Sur la question de la nature des mariages par groupes en Australia.

1) Les relations *pirrauru* (resp *piraungaru*) ne sont pas des mariages proprement dits.

2) Elles n'ont pas d'éléments de relations sexuelles entre deux groupes d'individus.

3) Elles servent principalement à désigner la position sociale de l'individu et partiellement comme regulateur des relations sexuelles, formées sous le régime de la gérontocratie.

4) Elles ne peuvent pas être considérées comme les restes des relations sexuelles plus larges dans une société plus ancienne, mais d'après leur caractère économique se font connaître comme une institution historique d'une société, où les premiers signes de la différenciation économique et sociale sont déjà parus.

Палланцы и Укинцы.

Предметом настоящей заметки будут две маленькие группы туземного населения Сибири, Палланцы и Укинцы. Палланцы живут на западном побережье северной Камчатки, от реки Тигиль до реки Лесной, и занимают шесть селений: Ваямполка, Ургинский выселок, Кахтана, Палан, Кинкиль и Лесное, с общей численностью населения, по данным переписи 1897 года, в 886 человек. Укинцы живут на противоположном восточном берегу северной Камчатки, между реками Озерной и Карагой, и занимают шесть селений: Озерное, Ука, Холюлино, Ивашка, Дранка и Карага. Число жителей в них было, по данным той же переписи 1897 года, 298 человек.

Относительно обеих этих групп мы сталкиваемся с любопытным разногласием в решении вопроса о принадлежности их к той или другой народности. Официально и Палланцы и Укинцы считались обрусевшими Камчадалами. К Камчадалам они были отнесены при производстве переписи 1897 года. Камчадалами же считают их и авторы писавшие о Камчатке на основании одних официальных данных, как например, Сильницкий или Ресин, при чем Сильницкий идет так далеко, что утверждает, будто севернее р. Тигиль, Камчадалы (т.-е. Палланцы) сохранили свой язык, что безусловно неверно, так как в настоящее время и Палланцы и Укинцы совершенно обрусели и говорят по-русски. В противоположность официальным источникам, большинство авторов, описывавших Камчатку на основании собственных наблюдений считают Палланцов и Укинцов не Камчадалами, а Коряками. Коряками их считают Крашенинников и Штеллер. Коряками их называет Дитмар, к Корякам причисляет их Иохельсон. К Корякам относит Палланцов и Тюшов, называющий в качестве самого северного камчадальского селения на западном берегу Камчатки Аминино, расположенное, правда, севернее реки Тигиль, но южнее Ваямполки, крайнего южного селения Палланцов. Наконец, к Корякам относит Палланцов и Укинцов и Патканов. Одним словом, все наиболее авторитетные исследователи населения Камчатки в данном случае единодушны и одинаково считают Палланцов и Укинцов Коряками. Казалось бы, что при таких условиях можно было бы отнестись к официальной точке зрения, видящей в этих двух группах не Коряков, а Камчадалов, как к курьезному недоразумению, не заслуживающему того, чтобы на нем останавливаться. Но при более внимательном рассмотрении вопроса оказывается, что он решается не так уж просто и что официальная точка зрения тоже имеет за себя известные основания и если она и основана на недоразумении, то это недоразумение во всяком случае очень давнего происхождения.

Для лучшего освещения этого вопроса я попробую разобраться хронологически в литературных указаниях на эти две группы, при чем

отдельно рассмотрю указания на Палланцов и отдельно указания на Укинцов.

Крашенинников и Штеллер оба одинаково относят Палланцов к Корякам, но оба они не были среди Палланцов, специально их не описывают, а ограничиваются только указанием в качестве северной границы камчадалских поселений на западном берегу Камчатки реки Тигиль, из чего уже следует отнесение Палланцов к Корякам. Больше того, у Крашенинникова имеются даже некоторые колебания при определении северной границы Камчадалов, и он считает такой границей то Тигиль, то находящуюся значительно южнее реку Хариузову. Таким образом Крашенинников и Штеллер говорят в данном случае не на основании личных наблюдений, а на основании чьих-то рассказов и вероятно отражают ту точку зрения, которая в то время преобладала у камчатской администрации. Но если это было так, то подобная точка зрения продержалась у администрации не долго, и уже в так называемых ведомостях Бриля, представляющих ответы местной администрации на запросы сената и составленных в 1768 году, Палланцы определенно причислены к Камчадалам. Так как в то время Палланцы во всяком случае еще сохраняли свой язык, то показаниям ведомостей Бриля можно было бы придавать в данном случае очень серьезное значение, если бы не имеющаяся в этих ведомостях тенденция употреблять термин „Камчадал“ в расширительном смысле для обозначения им всего туземного населения тогдашней административной Камчатки, т.-е. области, находившейся в ведомстве Большерецкого острога и подчиненных последнему острогов Верхнекамчатского, Нижнекамчатского и Тигильского. Это видно, например, из описания Карагинцов, „которые в давних летах были те же Камчадалы и отошли на морской остров“, или из описания Курильцов, про которых сказано: „они же и Камчадалы“, хотя в дальнейшем указывается их существенное отличие от настоящих Камчадалов. Таким образом точка зрения администрации, считавшей все туземное население административной Камчатки, т.-е. позднейшего Петропавловского округа, Камчадалами, восходит к очень давнему времени.

Более важное значение имеют для нас показания геодезиста Елистратова, производившего опись западного берега Камчатки от реки Тигиль до реки Таловки в 1787 году и следовательно лично бывшего среди Палланцов и их северных соседей, бесспорных Коряков, в то время, когда туземцы еще не обрусели и сохраняли свой язык. Елистратов определенно говорит, что от Тигиля до реки Лесной (это и будут Палланцы) живут Камчадалы, а выше, т.-е. севернее Лесной, обитают Коряки. Это показание очевидца, несомненно, имеет большое значение, тем более, что Елистратов имел некоторую склонность к этнографии и дает сравнительно подробные, хотя и не особенно яркие описания быта и верований отдельно Камчадалов, т.-е. Палланцов, и отдельно Коряков. Ослабляет значение показаний Елистратова, с одной стороны, непродолжительность его пребывания среди Палланцов (его поездка продолжалась всего пять недель) и отсутствие у нас каких бы то ни было указаний на то, как сносился Елистратов с туземцами, понимали ли они хотя бы отчасти русскую речь, или объяснения шли чрез посредство переводчиков и каких именно. Во всяком случае, показания Елистратова можно назвать наиболее вескими из доказательств, которые можно было бы привести в пользу мнения о принадлежности Палланцов к Камчадалам, и очень жаль, что описание Елистратова осталось неизвестно В. И. Иохельсону, который впрочем вообще обходит молчанием разногласия относительно этнической принадлежности Палланцов и Укинцов.

Далее мы имеем анонимное описание Камчатки, составленное в са-

мом начале 19-го века, между 1801 и 1804 годом и напечатанное в „Сибирском Вестнике“ Спасского. Это довольно толковое и обстоятельное описание, составленное на основании не печатных, а каких-то иных источников местного происхождения. В нем не только про Палланцов, остроги которых все названы поименно, но и про несомненно камчадалское селение Оманина (Аманина) сказано, что „жители сидячие Коряки, кои прежде делали набеги на Тигиль. Ныне похожи они более на Камчадалов и будучи все христианской веры обрусели“.

Из более поздних авторов большое значение для решения вопроса о национальности Палланцов имеют показания Дитмара. Он посетил все селения Палланцов и категорически утверждает, что жители их—сидячие Коряки, при чем он сообщает, что по крайней мере в некоторых из этих селений, именно в Кахтане и Паллане корякский язык в то время еще вполне сохранялся и при том это было наречие очень близкое к наречию Коряков, живущих на Тайгоносском полуострове, так что казак Зиновьев, служивший Дитмару переводчиком при сношениях с Тайгоносскими Коряками, мог объясняться и с Палланцами. Про жителей самого северного из палланских острогов, Лесного, Дитмар сообщает также, что некоторые семьи здесь даже владели небольшими стадами оленей, с которыми и совершали перекочевки.

Слабая сторона свидетельства Дитмара в том, что его экскурсия к Палланцам была очень непродолжительна, всего несколько дней, и в том, что сам Дитмар, несмотря на продолжительное пребывание на Камчатке, не знал ни камчадалского, ни корякского языка. Больше того, до своей поездки к Палланцам Дитмар вообще мало имел случаев слышать камчадалскую речь, так как ему до того времени приходилось иметь дело только с Камчадалами реки Камчатки, среди которых процесс обрусения уже в то время зашел очень далеко, да и сношения его и с этими Камчадалами имели поверхностный характер. При таких условиях может возникнуть известное сомнение относительно того, был ли он в состоянии различать корякский и камчадалский языки. При других обстоятельствах для таких сомнений не было бы поводов, но при наличии не менее категорического утверждения Елистратова о принадлежности Палланцов к Камчадалам нужно взвешивать все данные для того, чтобы иметь возможность разобраться в таких противоречивых утверждениях. В пользу мнения Дитмара служит приводимое им свидетельство тойона камчадалского острога Седанки, который, различая среди Камчадалов три наречия, относил наречие Палланцов не к камчадалскому, а к корякскому языку. Надо впрочем иметь в виду, что этот тойон об языке бесспорных Коряков, Олюторцов и Каменцов, не говоря уже про еще более северные группы Коряков, не имел никаких сведений, так что в сущности не вполне ясно, кого он подразумевал под „Камчадалами“ и кого под „Коряками“. Кеннан, проезжавший через область Палланцов десятью годами позже Дитмара (в 1865 г.), называет их Камчадалами и считает Лесную самым северным из камчадалских селений.

Из позднейших авторов Тюшов ограничивается указанием на Аманино, как на самый северный пункт Камчадалов на западном берегу Камчатки, не говоря ничего про Палланцов, у которых он, повидимому, не был, а Иохельсон причисляет Палланцов к Корякам, совершенно не упоминая о имеющих в литературе разногласиях по данному вопросу. Его мнение в данном случае, конечно, весьма веско, но оно ничем не аргументировано.

Перехожу теперь к Укинцам. По отношению к ним свидетельство Крашенинникова имеет больший вес, чем по отношению к Палланцам, так как Крашенинников, хотя повидимому и не был в селениях Укинцов,

но сталкивался с ними во время своего пребывания в Нижнекамчатском остроге. Так на стр. 158—159 второго тома он описывает камлание укинского шамана Карымляча, приводя это камлание, как образчик именно корякского шаманства. В другом месте (т. 2-й, стр. 164) он описывает магические камни, приобретенные им от укинского жителя Окерача, причем и это описание дается для характеристики корякских, а не камчадалских верований.

Ведомости Бриля как уже сказано относят и Укинцов подобно Паланцам к Камчадалам. К Камчадалам отнесены в этих ведомостях и жители Карагинского острова. Про них, правда, сказано, что язык их отличается от языка Камчадалов, но упомянуто также, что он отличается также и от языка Олюторцев, т.-е. от корякского языка.

Далее следует свидетельство француза Лессепа. Он был участником кругосветной экспедиции Лаперуза и был отправлен из Петропавловской гавани сухим путем во Францию с депешами. Он проезжал через область Укинцов с 20-го февраля по 2-е марта 1788 года и посетил все без исключения укинские селения. Он определенно считает Укинцов камчадалами и ни по поводу Озерной, ни по поводу других укинских острогов ничего не говорит о том, чтобы жители их в чем-нибудь отличались от более южных Камчадалов, к которым он имел возможность присмотреться раньше во время своего пребывания в Большерецком остроге, длившемся более трех месяцев. Только относительно самого северного из укинских острогов Караги он говорит, что у его жителей есть черты сходства с коряками в обычаях, языке и в детской одежде. Детскую одежду жителей Караги он описывает довольно подробно, но другие черты сходства между карагинцами и коряками упоминаются им только мимоходом. Существенное значение имеет рассказ Лессепа про проезд в Карагу оленных коряков и про затруднения при сношениях с ними, так как они не понимали ни по-русски, ни по-камчадалски. Так как ни о каких подобных затруднениях при сношениях с жителями Караги Лессепс не упоминает, то очевидно, что язык жителей Караги был отличен от языка коряков. Далее Лессепс упоминает про несуществующий ныне острог Говенки, лежавший севернее Караги, что и среди его жителей было два камчадала, переселившиеся сюда с Карагинского острова.

В упоминавшемся мною раньше анонимном описании Камчатки напечатанном в „Сибирском Вестнике“, про остроги Озерный, Ука, Холюла, Ивашка и Дранка сказано, что „во всех сих острожках жители природные камчадалы христианского исповедания“, а про Карагу сказано, что „в сем острожке жители, перешедшие с близ лежащего в море Карагинского острова, самые бедные сидячие коряки“.

Следующим по времени автором, наблюдавшим укинцов был Добелл, проезжавший через область укинцов в промежуток времени с 24-го февраля по 7-е марта 1813 года, т.-е. ровно через 25 лет после Лессепа. Он тоже считает укинцов камчадалами, но при этом добавляет, что из бесед с тойоном Озерного острога он выяснил, что камчадалы укинского побережья усвоили некоторые обычаи своих северных соседей коряков. В качестве примера он приводит брак за отработку, но даваемое им описание этого брака не содержит в себе решительно никаких отличий от описания камчадалского брака, даваемого Крашенинниковым и Штеллером, так что ссылка на этот способ брака, как на заимствование у коряков определенно не верна. Далее Добелл упоминает, что острог Холюла состоял из трех юрт, выстроенных на корякский манер, но даваемое им описание этих юрт опять таки не чем не отличается от даваемого Крашенинниковым описания камчадалских подземных юрт. Во

времена Добелла эти юрты были уже оставлены громадным большинством камчадалов, но их сохранность в Холюле и у укинцов вообще никоим образом нельзя ставить на счет корякских влияний. Так что в конце концов у Добелла мы находим простое признание укинцов камчадалами, не смягченное даже небольшими поправками на корякское влияние у жителей Караги, которые мы находим у Лессепса. Относительно острова Карагинского, Добелл говорит, что этот остров был заселен раньше оленными коряками и камчадалами, но покинут жителями вследствие эпидемий. Ко всему этому надо добавить, что Добелл большего интереса к этнографии не обнаруживает и его наблюдения в этой области довольно поверхностны; в этом отношении он значительно уступает Лессепсу.

Дитмар сам среди укинцов не был. Он причисляет их подобно палланцам к корякам. Каких-либо оснований для этого в его книге не содержится, кроме упоминавшегося мною раньше рассказа Седанского тойона.

Ресин, считающий и палланцов и укинцов камчадалами, для двух самых северных укинских острогов, Дранки и Караги, делает исключение и признает жителей их оседлыми коряками. Каких-либо оснований для этого он не приводит.

Иохельсон относит укинцов, как и палланцов, к камчадалам, совершенно не упоминая про показания Лессепса, Добелла и автора анонимного описания Камчатки, напечатанного в „Сибирском Вестнике“. Наконец Тюшов, ограничивающийся в своей книге одним западным берегом Камчатки, совершенно не касается вопроса об укинцах.

Я собрал все литературные указания, которые могут быть привлечены к решению данного вопроса в качестве первоисточника, но к сожалению мне пока не удалось воспользоваться описанием путешествия Эрмана, которое вероятно содержит те или другие данные по настоящему вопросу. Резюмируя весь этот материал можно прийти к следующим заключениям.

Относительно палланцов. Как не вески мнения Крашенинникова, Штеллера и Иохельсона, их однако нельзя считать стоящими вне всякой критики, потому что ни один из этих авторов не имел непосредственного общения с палланцами, а описание Иохельсона относится к тому же к такому времени, когда палланцы уже обрусели и утратили свою национальность, какова бы она ни была. Большее значение надо придавать анонимному автору описания Камчатки и Дитмару, из которых последний имел дело непосредственно с палланцами. Но в противоположность этим двум авторам, считающих палланцов коряками, можно сослаться на Елистратова и Кеннана, тоже имевших дело с палланцами и считающих их камчадалами. Правда, Кеннана трудно назвать солидным источником, но показания Елистратова, относящиеся к очень раннему времени, имеют на мой взгляд не меньший удельный вес, чем свидетельство Дитмара.

То же самое и относительно укинцов. Здесь показаниям Крашенинникова, Штеллера и Иохельсона, из которых Крашенинников имел хотя бы отдельные встречи с укинцами, можно противопоставить отзывы Лессепса, автора „Сибирского Вестника“ и Добелла. Имена эти несравненно более скромные, чем имена авторов, считающих укинцов коряками, но все же считается с ними приходится тем более, что у Лессепса имеются и объективные данные, говорящие за камчадальское происхождение укинцов.

Говорить при таких условиях о прямых ошибках или простом недоразумении с той или другой стороны невозможно, и очевидно, что палланцы и укинцы представляют такую народность, относительно про-

исхождения которой невольно возникают разногласия. Повидимому, они уже в 18 веке, если не раньше, представляли собою смешанную по происхождению народность, своего рода связующее звено между камчадалами и коряками, где сливались корякский и камчадалский языки, корякская и камчадалская культура. Какие элементы здесь были сильнее, какие были более ранними и основными, теперь решить, пожалуй что и невозможно. Предположительно можно думать, что основа паланцов и укинцов все же была камчадалская, а корякские влияния были более поздними. В пользу такого предположения можно привести два основания. С одной стороны, дробность диалектических делений камчадалского языка и их резкое обособление друг от друга, что, конечно, сравнительно легко могло приводить к заключениям о некамчадалском характере наиболее обособленных диалектов, каковыми могли быть диалекты паланцов и укинцов, с другой стороны, большая культурная устойчивость коряков, которые гораздо лучше сохраняют свой язык и свою культуру, чем камчадалы. Мы скорее можем допустить культурное влияние коряков на камчадалов, чем обратное.

А. Максимов.

Les ethnologues éminents considèrent les Pallanzys et les Oukinzys comme des Koriakys russifiés; tandis que l'administration russe les considérait comme des Kamtchadales russifiés. Toutes les attestations nous prouvent que ce point de vue de l'administration a aussi raison. Il est probable qu'au XVIII s. les Pallanzys et les Oukinzys formaient un groupe d'habitants mélanges, qu'on pouvait facilement attribuer et aux Koriakys et aux Kamtchadales.

Пахание реки.

В ряду обрядовых средств борьбы против засухи, существующих на Кавказе, видное место занимает обряд пахания реки, пользующийся там довольно широким распространением. Приведу некоторые из известных мне описаний того, как выполняется этот обряд.

У армян Эчмиадзинского уезда, для того, чтобы вызвать дождь, „женщины надевают себе на голову мужские папахи, впрягаются в соху сами вместо быков, при чем жена священника погоняет их, и, направившись к реке, пашут речное дно. Дети же должны в это время тайком украсть у жены священника ее „рафату“ (чем пекут лаваша) и бросить в воду; после этого будет дождь. В Баяндурах два раза прибегали к описанному средству, но дождя все же не было; причину неудачи объясняли тем, что жена священника не принимала участия в обрядности: в то время она была в ссоре со всеми женщинами села“¹⁾

В селе Татев, Зангезурского уезда, населенном исключительно армянами, „во время продолжительной засухи, крестьянки, желая вызвать дождь, сохою пашут русло мелководной речки: в нее впрягаются восемь женщин; одна из них, переодетая по мужски, с барашковою шапкою на голове, управляет сохою; две другие погоняют запряженных подруг; и так несколько раз проходят по течению и против течения реки“²⁾.

В армянском же селении Даш-Алты, находящемся в ближайших окрестностях города Шуши, „во время долгих засух шесть старух идут пахать реку. Четыре из них впрягаются в соху, одна служит плугатарем, другая—погонщиком. Они, не снявши платья, заходят в воду и пашут воду так же как и участок земли, прося Бога, чтобы он намочил землю так же как их“³⁾.

Далее в армянском журнале „Лума“ (1897 г. кн. I) напечатан очерк Ст. Аветикяна „Наш батюшка“, не приуроченный к какой либо определенной местности и характеризующий положение армянского духовенства вообще. В этом очерке сообщается между прочим следующее: „Во время засухи, когда с неба „льется огонь“, батюшка (т.е. священник) не ограничивается одними заклинаниями жертвенных животных. Он вслед за деревенскими старухами направляется пахать плугом дно реки, что также вызывает сострадание Господа. Вот посмотрите, как батюшка, погрузившись со старухами в воду, ворочает туда и сюда погруженный в воду

1) Свящ. Г. Бунатов. Из повѣрій, предрасудковъ и народныхъ приметъ армянъ Эчмиадзинского уезда. (Сб. матер. для опис. мест. и плем. Кавказа. Т. XVII, стр. 178)

2) Н. Григоров. Село Татев, Зангезурского уезда, Елисаветпольской губернии. (Сб. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. Т. XIII, стр. 115).

3) Г. Осипов. Селение Даш-Алты, Шушинского уезда, Елисаветпольской губернии. (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. Т. XXV, стр. 132).

плуг, распевая шаракан (богослужебный канон) за шараканом, подбадривая бабушек, которые также наполовину находясь в воде, со слезами следуют за батюшкою, будучи уверены, что его молитвы достигнут ушей Господа и спасительный дождь даст полное изобилие находящейся в огне (т.-е. об'ятой засухою) стране¹⁾.

Тут мы имеем дело с выработанным и весьма интересным ритуалом. Главную роль при выполнении обряда играют женщины, но почему то считается необходимым переряживание их в мужской костюм, либо полное, либо частичное, в виде надевания мужских шапок. Характерным является далее участие в обряде священника, или по крайней мере его жены, в чуждой, казалось бы им роли управляющих плугом. У Грузии все эти частности отсутствуют, и обряд выполняется проще, но основная его суть остается неизменной. А впрочем, может быть, и простота является только кажущейся, вследствие краткости имеющихся в нашем распоряжении материалов.

В одном описании картвельских поверий вообще мы находим указание, что для того, чтобы вызвать дождь, „женщины впрягаются в плуг и проводят им борозду по засохшей канаве, по которой потому, мол, не идет вода, что она засорилась, а по очищении ее польются потоки шумные“²⁾. В частности укахетинцев обряд „запахивания дождя“ выполняется так: „Несколько женщин, иногда до 50 душ и более, впрягаются в плуг и тащат его по пересохшему руслу речки, по хеви.—Этот старинный магический обряд был проделан в селении Шильда летом 1902 года, в сел. Земоходашени в 1894 или 1895 году. В прежние годы эта церемония проделывалась и в Сигнахском уезде. Вместо „запахивания“ женщины в Телавском уезде иногда впрягаются в ярмо и ходят в нем, испрашивая дождя“³⁾. Более подробно описание, относящееся к селению Кварели, Телавского уезда: „В воскресный или праздничный день, когда мужчины идут в церковь к обедне, женщины собираются пахать плугом воду; они сходятся в каком либо доме, и там девять пар женщин (по числу быков, впрягаемых в плуг—хотя иногда последних впрягают в него по восьми и двенадцати пар) берутся за плуг и тащат его на себе до речки Дуруч, куда одна из девушек несет икону. Придя к месту, проводят раза два плугом по речке и останавливаются. На берегу, возле места остановки, приготавливают столик, на который кладут принесенную икону. Скоро сюда является мужское население со священником во главе. Священник служит молебен, а народ усердно молится со слезами, веря и надеясь, что Бог пошлет дождь“⁴⁾. Наконец, мне известно еще одно краткое описание, относящееся к селению Тионетам и принадлежащее перу кн. Р. Д. Эристова: „Раз,—говорит он,—стою на берегу реки Иоры в селении Тионетах. Небо было ясно; солнце играло в полном блеске, природа ликовала! Смотрю—восемь пар девушек запряглись в плуг и потащили его в Иору. Чтобы это означало, подумал я. Кстати подошел один из Тионетцев. Я обратился к нему с вопросом, на что тот пресерьезно отвечал: „это, барин, п а ш у т д о ж д ь“.—Как пахут дождь? — Да так... извольте видеть, теперь ведь засуха, и нивы без дождя совершенно пропадают; вот девушки и хотят напахать дождь. Я ничего не понял из его об'яснения; хотел было расспросить подробнее, но он, не дождавшись моего

¹⁾ Сообщением этого отрывка и его переводом я обязан Л. З. Мсерианцу, которому и приношу за это благодарность

²⁾ М. Джанашвили. Картвельские поверья. (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. Т. XVII, стр. 149).

³⁾ Г. Ф. Чурсин. Народные обычаи и верования Кахетии. Тифлис 1905 (Оттиск из XXV кн. „Записок“ Кавказского отдела Геогр. общ.), стр. 20.

⁴⁾ М. Машурко. Из области народной фантазии и быта. (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. Т. XVIII, стр. 261).

вопроса, ушел. Между тем девушки по пояс в воде проволокли плуг взад и вперед раз пять и отправились с ним во свояси, мокрые, утомленные¹⁾.

Все эти коротенькие описания относятся исключительно к восточной Грузии; относительно западной Грузии в моем распоряжении нет ни одного указания на то, чтобы и там этот обряд тоже применялся. Это обстоятельство могло бы иметь существенное значение для ответа на вопрос о происхождении обряда, если бы действительно можно было утверждать, что в западной Грузии „пахание реки“ неизвестно. Но, к сожалению, скудость и случайность относящихся сюда сообщений и слабый интерес, проявленный к обряду местными исследователями, не позволяют говорить с достаточной определенностью о границах распространения обряда.

Кроме армян и грузин я нашел еще указание на существование пахания реки у лезгин²⁾, но к сожалению, указание слишком глухое, лишенное каких бы то ни было подробностей и не приуроченное к точно указанной местности, так что даже неизвестно, какую именно народность подразумевает под „лезгинами“ автор. Во всяком случае и это указание приводит нас к восточному Кавказу.

От Кавказа я сразу перейду к белоруссам, относительно которых я тоже нашел два указания на существование у них обряда пахания реки. Корреспондент газеты „Минский Листок“ сообщает из местечка Русаковичи, Игуменского уезда, следующий „имевший здесь недавно место случай“ (корреспонденция датирована 27-м июня 1889 г.): Долгая засуха страшно беспокоила наших земледельцев, и вот они решили следующим образом предупредить грядущее бедствие. По совету старшины было устроено „вспахивание“ реки, проделанное таким образом: несколько женщин впряглись в соху и, под управлением самой сильной в деревне бабы, бродили по реке, бороздя ее дно. Случайно на следующий день выпал дождь, и теперь, конечно, все наши старания убедить крестьян, что вспахивание не может вызвать дождя, остаются бесплодными. Все уверовали в безошибочность этого средства, тем более, что старшина продолжает уверять толпу, что к такому же средству прибегает знакомый ему помещик—и всегда очень удачно³⁾. Другое сообщение относится к деревне Завод-Корецкий Суражского уезда Черниговской губернии. Здесь в случае засухи „выбирают красивую девочку, в возрасте пятнадцати лет, раздевают ее донага, увешивают ее венками и заставляют ее в таком виде боронить воду“⁴⁾. В этом последнем сообщении имеются некоторые черты, отсутствующие на Кавказе, но основное содержание обряда все же сохранено. Первое же сообщение не содержит в себе никаких отступлений от кавказских вариантов. Во всяком случае белоруссам знаком обряд пахания реки как средство борьбы против засухи, и обряд этот у них так же, как и на Кавказе, специфически женский.

Оба наши сообщения заимствованы не из специальных работ по белорусской этнографии, а одно—из газетной корреспонденции, другое—из статьи, посвященной этнографии Кавказа, хотя и написанной, повидимому, уроженцем Белоруссии. В работах Шейна, Никифоровского, Богдановича, Крачковского, мы не находим никаких указаний на обряд пахания реки, хотя всем этим авторам знаком обряд опахивания селений, как средство против заразных болезней. Надо думать поэтому, что обряд

1) Кн. Р. Д. Эристов. О тушино-пшаво-хеусурском округе („Записки“ Кавказского отдела Географич. Общества. Кн. III, стр. 142).

2) Г. Ф. Чурсин, loc cit., стр. 10.

3) „Минский Листок“, 1889 г. № 53, от 11 июня.

4) М. Машурко. Из области народной фантазии и быта. (Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XVIII, стр. 261).

пахания реки применялся в Белоруссии довольно редко и сохранился лишь в немногих местностях.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с другими частями русского племени. Относительно малороссов я не мог найти ни одного указания на то, чтобы им был знаком обряд пахания реки. Относительно великоруссов в литературных данных равным образом мне не встретилось указаний на этот обряд, но недавно Д. А. Золотарев предоставил в мое распоряжение коротенькую запись художника Лесовика о том, что в деревне Тявкове Мологского уезда, Ярославской (ныне Рыбинской) губернии, в 1920 г. „во время засухи пропахивали плугом речку Кудашу“. Это пока единственный известный мне случай пахания реки против засухи в великорусских губерниях и типичность данного примера для великоруссов вообще представляется сомнительной. Деревня Тявково, о которой сейчас идет речь, расположена в области тех „сицкарей“ (жителей по реке Сити), которые резко отличаются от своих соседей этнографическими особенностями и в частности своим говором. В этом говоре есть и такие черты, которые сближают „сицкарей“ с белоруссами; черты эти, может быть, и недостаточны для того, чтобы видеть в „сицкарях“ оторвавшихся от своей массы белоруссов, но во всяком случае известная обособленность „сицкарей“ среди прочих великоруссов не позволяет считать какой-либо обряд, отмеченный только у них, общевеликорусским.

Конечно, наши материалы по великорусской этнографии настолько отрывочны и случайны, что из отсутствия указаний на какой-нибудь обряд очень рискованно делать выводы о том, что этот обряд действительно не существует и не существовал у великоруссов. Но в данном случае я не могу не считаться с тем фактом, что при наличии имеющих в моем распоряжении около 300 отметок относительно опахивания у великоруссов селений как средства борьбы против заразных болезней людей или скота, только что упомянутый пример деревни Тявкова остается до сих пор единственным указанием на применение великоруссами обряда пахания реки как средства борьбы против засухи. Оба эти обряда имеют значительные черты внешнего сходства, даже некоторые авторы не различают их между собою, и я не сомневаюсь, что большинство источников, литературных и устных, откуда я черпал сведения об опахивании, не преминули бы упомянуть и о пахании реки, если бы оно действительно существовало в соответственных местах. При таких условиях с отсутствием указаний на обряд пахания реки у великоруссов нельзя не считаться.

Далее мы имеем несколько примеров опахивания селений у великоруссов как средства борьбы против засухи. От одной из местных крестьянок мне удалось получить сведения, что в засушливые и голодные 1920—1921 г.г. происходило опахивание против засухи в деревнях: Прудки, Дубки, Пеньки, Палибино, Стрешнево, Хитрово, Комарово Данковского уезда, а Н. И. Лебедева сообщила мне, что опахивание селения против засухи было произведено в 1921 г. и в Черной Слободе Сапожковского уезда. Кроме того, в „Описании“ Д. К. Зеленина есть заимствованное из рукописи А. Н. Минха указание на то, что в с. Ириновке Саратовского уезда и губернии опахивают село кругом „во время бездождия“¹⁾. Вот все известные мне случаи опахивания селений как средства борьбы против засухи. Спрашивается, имеют ли они какое-либо отношение к обряду пахания реки? Настоящее типичное великорусское опахивание селений есть прежде всего средство борьбы против заразных болезней

¹⁾ Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Имп. Русского Географического Общества. Вып. III, стр. 1.276.

людей или скота, и если оно применяется изредка и как средство борьбы против засухи, то тут возможно одно из двух объяснений: либо первоначальное сравнительно узкое назначение обряда расширилось и он стал применяться не только против заразных болезней, но и против других бедствий, угрожающих селению, в том числе и против засухи, либо произошла замена одного обряда другим и обряд пахания реки был заменен схожим по внешности обрядом опахивания селений. В пользу последнего предположения о замене сравнительно редкого обряда пахания реки более частым и более популярным обрядом опахивания селений как будто говорит одна черта, содержащаяся в сообщении Н. И. Лебедевой, именно, что в Черной Слободе участвующие в опахивании против засухи женщины надевали мужские штаны, а некоторые из них и полный мужской костюм. Черта эта совершенно чужда типичному великорусскому опахиванию и в то же время напоминает частичное или полное переряживание в мужской костюм армянок при пахании реки. Отмеченная Н. И. Лебедевой особенность весьма любопытна и представляет большой интерес, но все же ее недостаточно, чтобы утверждать, что опахивание селений против засухи в Рязанской губернии заменило обряд пахания реки. При всем своем внешнем сходстве эти два обряда—пахание реки и опахивание селений глубоко различны по своему внутреннему содержанию, и мне представляется, что в Рязанском опахивании против засухи мы имеем расширение первоначальных целей обряда опахивания селений, а не замену им первоначального пахания реки. Хотя опахивание селений главным образом применяется для борьбы с заразными болезнями, но местами сфера его применения представляется более широкой и оно является средством вообще обеспечивающим благополучие селения, даже мерой, которая применяется не в каком-нибудь экстренном случае, а более или менее регулярно, через определенные промежутки времени. Указания подобного рода имеются у меня относительно Судогодского у. Владимирской губ., Лихвинского и Мещовского у.у. Калужской губ., Рогачевского у., Могилевского у., Московского у., Васильского у. Нижегородской г., Болховского у. Орловской г., Егорьевского у. Рязанской губ., Аткарского у. Саратовской губ., Сенгилеевского у. Симбирской губ., Белевского и Каширского у.у. Тульской губ., Купянского у. Харьковской губ. Для большинства этих местностей такое регулярное опахивание представляется не типичным, почти всюду типичным остается опахивание селений как средство против заразы, но во всяком случае опахивание селений возможно не только против заразных болезней и, следовательно, оно может применяться и против засухи, не являясь в то же время заменой обряда пахания реки.

Таким образом надежных доказательств тому, чтобы обряд пахания реки был знаком и великоруссам, пока не имеется, и до поры до времени приходится рассматривать этот обряд как свойственный из всех отделов русского племени одним белоруссам. В таком случае возникает вопрос, откуда и как попал этот обряд к белоруссам, потому, что не подлежит сомнению, что такой сложный обряд не мог быть создан вполне самостоятельно и независимо один от другого и на Кавказе и в Белоруссии и что во всяком случае не Белоруссия, сравнительно редко страдающая от засух, является родиной этого обряда, откуда бы он мог быть занесен на Кавказ. На первый взгляд может казаться, что на поставленный вопрос дает вполне удовлетворительный ответ теория покойного А. А. Шахматова, который, перечисляя отдельные группы, из которых образовалась белорусская народность, включает в число предков современных белоруссов и „юговосточных выселенцев, шедших из Подонья

после завладения им степняками¹⁾. Живя на Дону, эти предки белоруссов должны были бы сталкиваться там с разными иранскими народностями, а эти иранские народности, находившиеся в культурном общении с Кавказом, могли бы иметь обряд пахания реки, если только этот обряд не создан самими иранцами и не передан ими народностям Кавказа. Здесь таким образом предки белоруссов могли бы заимствовать обряд пахания реки и перенести его с собою на свои новые места жительства. С этой точки зрения могло бы получить объяснение и то обстоятельство, что обряд пахания реки свойственен не всем белоруссам, так как выходцы из Подонья были лишь одним из элементов, из которых сложилась белорусская народность. С этой точки зрения могло бы иметь значение также и то обстоятельство, что обряд пахания реки отмечен пока только в Игуменском и Суражском уездах, т.-е. именно у более восточных белоруссов. Наконец, с точки зрения А. А. Шахматова наша бы свое объяснение и отмеченная Н. И. Лебедевой особенность опахивания против засухи в Сапожковском у., — переряживание участниц обряда в мужской костюм. Ведь выходцы из Подонья шли не только на северо-запад в теперешнюю Белоруссию, но и прямо на север, в теперешнюю Рязанскую губ. и, следовательно, и сюда могла быть занесена с Дона эта черта, сближающая опахивание в Черной Слободе с армянским паханием реки. Одним словом приложение теории А. А. Шахматова к данному случаю представлялось бы очень заманчивым, но тем не менее стать на этот путь я пока не могу. А. А. Шахматов предполагал, что славянами, жившими в Подонье, были вятичи, бывшие, по его мнению, вопреки показанию летописи, отнюдь не пришельцами из лях, и следовательно, вятичи были в числе предков белоруссов, но вот тут то и начинаются трудности. В этнографическом отношении между теперешними жителями Орловской, Калужской, Тульской губ. и белоруссами имеются очень существенные отличия, отличия, пожалуй, большие, чем между белоруссами и каким-либо другим отделом великорусского племени, и это делает затруднительным предположение о том, чтобы вятичи были в числе предков белоруссов. Правда, белоруссы этнографически не вполне однородны, среди них имеются тоже немаловажные отличия, но белорусские этнографы мало интересовались этими отличиями, и мы лишены возможности говорить хотя бы с приблизительною определенностью о тех или других этнографических подразделениях белорусского народа (мимоходом отмечу, что эти подразделения, повидимому, совершенно не совпадают с делением белорусского наречия на юго-западную и северо-восточную группу). Впоследствии, может быть, окажется, что нельзя так резко противопоставлять в с е х белоруссов великоруссам Орловской, Тульской и Калужской губерний, но сейчас этого противопоставления нельзя миновать и оно сильно затрудняет принятие теории А. А. Шахматова.

А. Максимов.

Il existe un cérémoniel au Caucase chez les Arméniens et les Géorgiens „le labourage de la rivière par les femmes“, comme moyen contre la sécheresse. Nous trouvons ce même cérémoniel chez les Belorusses. Il est certain que ce cérémoniel est parvenu chez les Belorusses du Caucase, mais les voies de communication dans ce cas sont incertaines. La théorie de Schahmatoff qui nous dit que les wiatitchis, venus du Don, étaient les ancêtres des Belorusses, est difficile à coordonner avec le fait de la grande différence ethnographique entre les Belorusses et les Welikorusses des gouvernements d'Orel, de Kalouga et de Toula.

¹⁾ А. А. Шахматов. Древнейшія судьбы русского племени. Петроград 1919 г. (Издание Русского Исторического Журнала). Стр. 63—64.

Юго-славянский текст в русской переписке.

Заведующий Этнографо-Археологическим Музеем I М. Г. У., проф. А. И. Некрасов, обратил мое внимание на одну старинную иллюстрированную рукопись Музея и предложил мне сделать ее описание.

Несмотря на то, что, по своей специальности, я не принадлежу ни к искусствоведам, ни к лингвистам, ни даже к текстологам данного памятника, я все же решился принять это предложение, как в виду действительно большого значения этой рукописи, что побуждает скорее обратиться на нее внимание специалистов, так и в виду возможности избежать в ее описании больших ошибок, ограничив ее характеристику наиболее доступными мне чертами.

Рукопись эта состоит из 305 бумажных листов¹⁾, размером 17 × 24 см., в переплете из досок, оклеенных тисненой кожей, с застежками. Судя по тисненому орнаменту и по такой же вязи (на лицевой стороне): „книга глаголемая“, переплет этот—века XVII-го, едва ли XVI-го, во всяком случае он позднее книги, потому что текст ее сверху срезан. Бумага листов 1—8, 10—91, 93—222, 224—298 и 300—304 имеет три филигрانی: солнце с лучами, т.-е. круг с 8-ю извилистыми языками снаружи (лл. 4—6, 8, 10, 12—13, 23—27, 88—90, 94, 95, 97, 99, 101, 135, 170), готическую букву „р“ с четырехконечной звездочкой над нею (лл. 18, 20, 22, 140, 166, 182—184, 186) и рукавицу-перчатку с такой же звездочкой (лл. 32—34, 36, 41—43, 47, 51, 53—55, 57, 60, 62, 64—66, 70, 72, 73, 75, 78—80, 82, 84, 104, 106, 108, 110—112, 115, 116, 120, 122, 124, 126—130, 138, 141, 144, 145, 148, 149, 150, 154—156, 158—161, 171, 172, 176, 178, 180, 181 и с 191 л. почти все сплошь листы, кончая 304-м).

Эти три филигрانی позволяют отнести бумагу к первой половине XVI века. Листы 9, 92 и 223 (с изображениями евангелистов) не имеют водяных знаков, но, судя по стилю изображений Матфея, Марка и Луки и по характеру именных надписей при них, могут быть датированы XVIII в. Что касается л. 299-го и следующего за ним, нумерованного, то их синяя бумага русской выделки (филигрань: В М 18) относится к началу XIX в.

На внутренних сторонах переплета, оклеенных бумагой, имеются надписи кон. XVIII—нач. XIX в. (гл. об.—хозяйственные); на обороте верхней крышки сверху читаем:

„Сия святая и глаголемая книга евангелие вологодскаго уезда кубенской сотни а имяно возвиженскаго прихода водчина елены василевны сумороковой А имяно Александра исакова“.

¹⁾ Нумеровано 304; один лист за 299-м не учтен и не нумерован. Далее мы ссылаемся лишь на нумерованные листы.

В древнем тексте самой рукописи северных русских черт, повидимому, не имеется.

Вкось по приведенной надписи записано о покупке книги за 7 р. 50 к.

(цифры тайнописью):

„18¹⁰/_{VIII}96 № 259

у И. П. Мосолова

лерь мущсеи съ 50 копейками

№ 259“

Евангельский текст, с предисловиями Феофилакта Болгарского, с оглавлениями и указателями чтений, писан хорошим полууставом первой половины XVI в., двумя почерками. На л. 10 заставка смыта и оставлено пустое место; на лл. 93, 143 и 224 заставка, вязь и заглавные буквы нарисованы в XVIII в., причем вязь и буквы подражают более старому времени. Вязь и заглавная буква листа 10-го—подлинны. Их отличный киноварный рисунок ведет нас к XV в. и к юго-славянской иллюстрационной манере (см. рис. 1). Вот эта-то юго-славянская вязь и обращает прежде всего внимание на рукопись, возбуждая вопрос о национальности письма ее оригинала.

Всматриваясь в систему надстрочных знаков данной рукописи, убеждаемся, что эта система раньше русских старопечатных книг, ближе к Евфимиевской эпохе. Ударений мало и стоят они не по русскому произношению XVI века, например:

слѡвесе 19, слѡвеса 24 об., главою, врага, врагы 19 об., твѡрю 247, твѡриши 20, твѡрить 19 об., твѡрять 20 и об., твѡрѡщоу 20 об., тлѡкоу-щемоу 23 об., рѣче—постоянно, рѣкоуть 38, рѣкыи 6, рѣченое 26, кѡнець, пѡсомо 27, тѡковоую 28, тѡликих 4, кѡлико 48 об., тѡгда 12, 242 об., вино 28 об., вина 227 об., претрѣпѣвый 31 об., блѡженѣ 33 об., жѣвоуть 39, жѣваго 50, 216 об., жѣвотнѣ 6 об., жѣвотѣ 240, мртвеца 26 об., чѣсло 7, рѡди—3 л. аог. постоянно, твѡрите стѣза 13 об., умлѣчить 200 об., гѡрѣ 203, вѣврѡгоша 206 об., вѣ вѡдѣ 225 об., схѡдѡшь 226, жѣны—род. ед. 44, 106 об., в глаголах постоянно—аѡше,—ѡше,—аѡхоу,—ѡхоу.

Некоторые из этих ударений могут быть найдены и в русских старопечатных книгах, но далеко не все.

В дальнейшем приводим слова рукописи без надстрочных знаков и ударений; надстрочные буквы сводим на строку, ѿ заменяем через о.

Югославянской модой, которая овладела русским письмом с XV века, а частью прямо югославянщиной, следует считать такие написания, как: оученіа 1, реченнаа 6 об., проповѣдаа 13 об., людьскыа 12, нѣмыа 48, іоудеа 14, 16 об., своа 14, твоа 19, моа сіа 24 об., покоа 38 об., братіа 39 (при—братіа 39), галілеане 186 об. (при—галілеанѣ 186 об.), стоахоу 39;

по преданіоу 109 об., невѣріоу—дат. 116, не быти вѣскресеніоу (66 об.), ключь разоумѣніоу 182, по очищеніоу 227 об.;

прѣвыи 1, прѣвѣе 4 об., 37 об. оумрѣтвіа 13, отвѣзашася 14 об., дрѣзай 29, сѣврѣшени 20, дрѣжится 22, вѣстрѣзати 35 об., вѣстрѣгнѣте 91 об., вѣврѣгоуть 42 об. (при—извергоша 43), чрѣмноует 48 об., жрѣтвѣ 28 об., вѣ трѣніи... трѣніе 39 об., прѣстень 193, прѣси 199, чрѣтѣ 195, мрѣзость 194 об., жрѣновѣ 196;

длѣжно 6, длѣжнѣмь 2, влѣхвѣ 13, влѣнами 26 (при—волнами 45 об.), млѣніи 197 об., стлѣпѣ 191, хлѣмомь 215 (при—вѣлкѣвѣ 31 об., извле-коша 43), наплѣни 6, тлѣцѣте 23, отлѣствѣ 40, млѣващѣ 29, оумлѣчить 200 об.

На юго-славянский оригинал указывают следующие явления:
ь в конце слов: сотникъ 25 и об., азъ члкъ 25 об. (при—азъ 204),
всакъ недоугъ 30, рабъ 190 об., вамъ 25 об., сътворихомъ 24 об., домъ

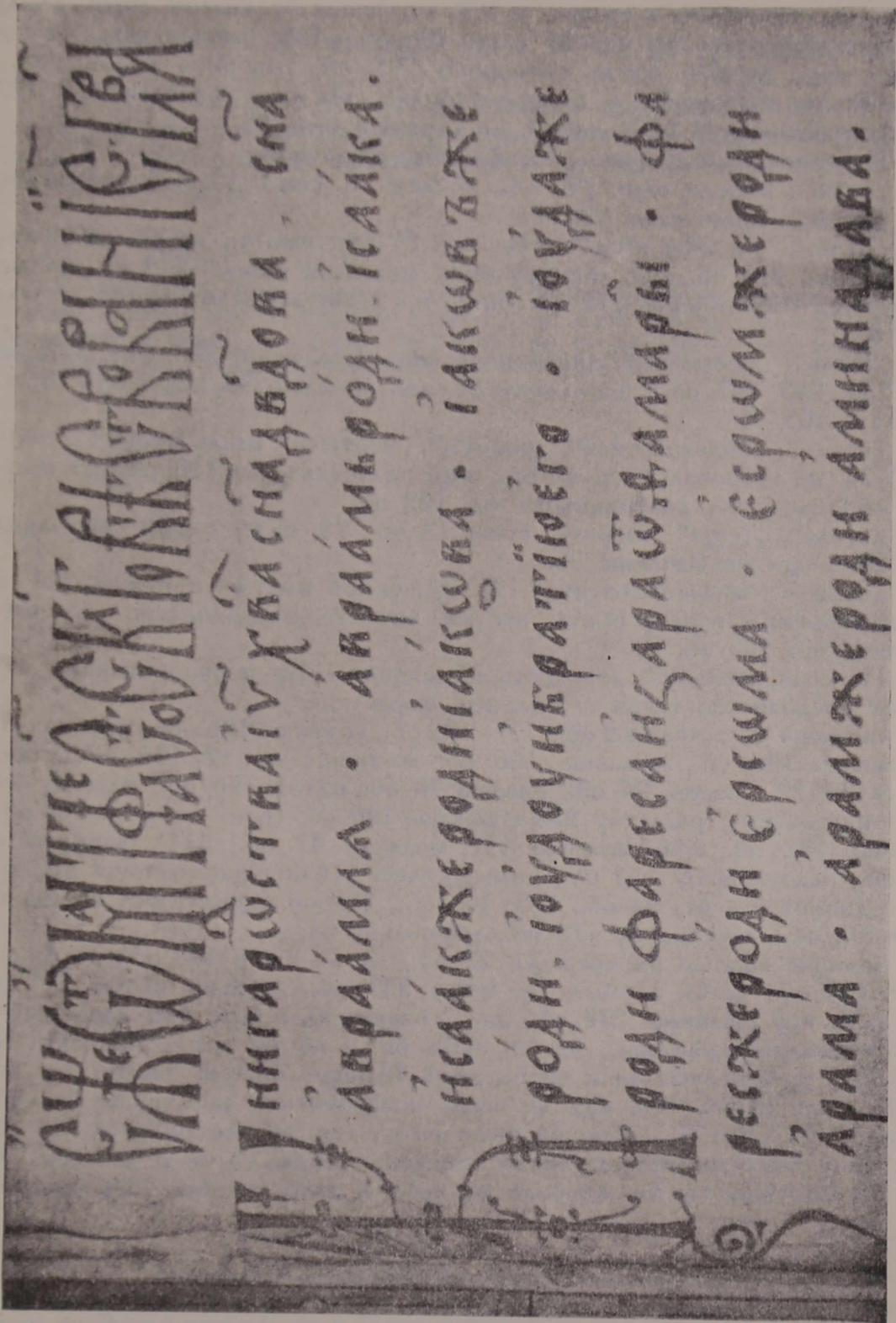

Рис. 1.

190 об., заповѣдавъ имъ 30 об., господинъ 190 об., бѣсь 248 об., в во-
дахъ 27, ихъ 27 об., въ срдцихъ 27 об., въ домохъ цръскихъ 34, възве-
селася бихъ 193;

мена юсов: яко овца неимаша пастыра 30, имашимъ 208, имашоу 202 (при—имощоу 202, неимощаго 202 об.), жена бѣ имаша 187, и бѣ слака 187, изыди на поути и халагы 190 об., взложи на на (т.-е. на жену) роуцѣ 187, иже аще възыщеть дшоу свою сп(с)ти погоубить ю. а иже аще погоубить а живить а 198, моляшеся бе хвалоу тебѣ въздаа (sic), яко нѣсмь яко же прочіи члци 198 об.—199, ре(ч) к нимъ. коупла дѣвите... како коуплю соуть сѣтворили 201 об., разорите црковь сію. и тріми дньми въздвигноу а. рѣша же іудее... ты ли... въздвигнешію (228 и об.), въз(д)виже а (т.-е. тещу)... и оставі а огонь 95.

Интересны следующие своеобразные написания:

„сѣмо“: възведи само 190 об., послеть е само 121 об., привѣдите само 202 об., пріди само 232.

„пѣтелъ“: и абіе пѣтелъ възгласи 81 об., глю ти петре. не възгласить пѣтелъ 210 об., еше глюшоу емоу. възгласи пѣтелъ 212 об., прѣжде даже пѣтелъ възгласить 212 об. (при—преж(д)е даже петель не възгласи(т) 82).

„нынѣ“, „посылати“: нине—постоянно (см. напр. 203, 211, 227 об., 232, 236, 245, 247 об.), посылають бб, азъ посылаю 93, посилаеть 98 об., посылати 105 об.

„воплъ“, „пользоватися“, „ропотѣ“, „вертепѣ“: вепль многъ 13, вепль бы(с) 74, не ползевалса еси 46 об., аще ползевалъ еси 110, рѣпетѣ многъ (242 об.); врѣтопѣ разбоиникомъ 62, 122 об.

„стеязя“, „теща“: творите стѣзя 13 об., 93, видѣ тѣщоу его лежащоу 26, тѣща же сімонова 95.

„сѣвт—“: млѣни сѣвтитса 197 об., сѣвтѣ вѣ тмѣ сѣвтитса 224, он бѣ сѣвтильникъ горя и сѣвта. вы же хотѣсте възрадоватис вѣ ча(с) сѣвтѣніа его 263 об. 1).

На сравнительную древность югословянского первооригинала указывает постоянство таких глагольных форм, как:

писааше 5, хоташе 5 об., 111, 192 об., хотѣаше 106 об., хотѣахоу 65, гнѣваашеся 106 об., можааше 106 об., вѣпрошааше 12, 116 об., кланаше са 25, 29, спааше 26 об., идаше 70 об., идѣаше 96 об., идѣахоу 245 (при—идѣахоу 25), градѣахоу 233, твораше 106 об. (при—твораше 106 об.), моляаше 192 об. при—молѣше 111, моляхоу 47 об., 111), валѣаше са 115 об., разоумѣахоу 116 об., помышлѣаете 116 об., дивлѣахоу са 103 об. (при—дивлѣахоу са 67, 94 об., 105, 108 об., 111 об., дивлѣахоу са 25, дивлѣашеся 105 об.), млѣчѣахоу 116 об., хоулѣахоу 84;

молиша юко да би прешелъ 27 об., да би былъ 103 об., да би его чюль 110 об., да би прѣбыл оу ни(х) 233 об., да биша имѣли 245, да би сѣвалъ яко пшеницю 210 об., да... възвеселилса бихъ 193, аще бы вѣдѣлъ господинъ храмины... бдѣлъ оубо би, и не би далъ 185, аще бы вѣдѣлъ... бдѣлъ оубо би и не би далъ 73, аще бихомъ были... не быхомъ ...были 69 об.—70, аще не быша прекратилса дніе ти, не би оубо спасла са 71 об.—72, добро би было емоу, аще не бы родилса 78 об., оуне емоу было би. аще жрѣновѣ осельскы облежалъ би о вѣи его 196, аще бы вѣдѣла... ты би просила оу него. и далъ ти бы 232, искаахоу

1) Обычными для рукописи являются еще следующие написания:

въ юзилиціи 33 об., южи желѣзны.. южемъ желѣзномъ 102 об., жьнеші юдѣ же не сѣдѣл еси и сѣбираеші юдоу же не расточил еси 75 и об., вѣноутрь юдоу 69 об. (при—вѣноудоу, вѣноутрьоудоу 69 об.), изъ ютрѣ исходѣ(т) 110 об. (при—изъ ютрѣоудоу 110 об.), вѣ главоу юглоу 204 об. (при—вѣ главоу оуглоу 64 об.), вѣ ютробѣ 208, ютробы яже не родиша 214 об., вѣ ютробоу 229, юскыми враты 23 об., юска врата 24;

яко не можти 27, 99, якоже ктому не можти 95 об. (при—яко мошти 102), повелъ народу възлежити 112, сѣтворите чакы възлежити 238.

архіерее и книжници, како биша оубили его 209, аще бо бисте вѣровали
мосеови вѣровали бисте оубо и мнѣ 237 об., аще ма бисте вѣдѣли и оца
моего вѣдѣли бисте 246 об., аще чада... бисте были, дѣла... бисте тво-
рили 247 об., аще... би былѣ, любили бисте 248, радѣ би былѣ да би
видѣлѣ 249.

К древним формам относим: ищите 23 об., 184 об., придѣте оубіамъ
его 64.

Итак, по нашему мнению, текст данной рукописи списан в России с
юго-славянского полууставного оригинала, близкого к Евфимиевской эпохе,
который в свою очередь списан с первооригинала более старой поры
(уставного почерка).

А. Орлов.

Le manuscrit ci-joint est copié en Russie dans la première moitié du XVI s. de
l'original slave, proche de l'époque Euthyme, qui à son tour est une copie d'un des
plus anciens originaux. La forme des lettres liées et les initiales représentées sur le
dessin datent du XVI s. et se rapportent aux slaves du midi.

Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года.

Летом 1926 г. на средства Главнауки Н.К.Пр. Р.С.Ф.С.Р., I Московского Госуд. Университета и Кубано - Черноморского Педагогического Института была проведена экспедиция по изучению в археологическом отношении Таманского полуострова (рис. 2), организованная „Коллективом

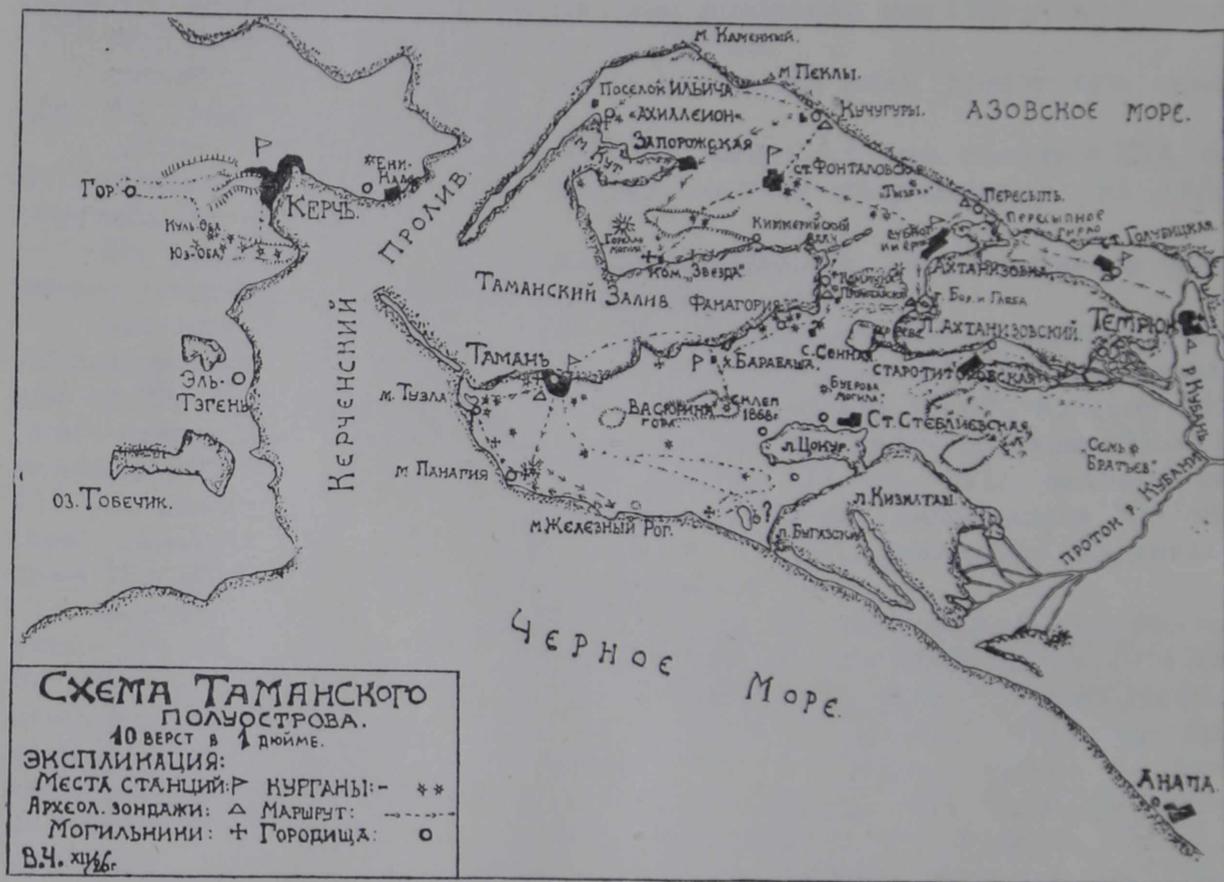

Рис. 2.

по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов“ Института Археологии и Искусствознания Р.А.НИИ.О.Н.

Основное ядро экспедиции состояло из членов Института А. и И. ¹⁾, сотрудников-практикантов Госуд. Исторического Музея ²⁾, Госуд.

1) В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина и Л. П. Харко.

2) Л. М. Баранова, Н. П. Розанова и О. И. Сытина.

Музея Изящных Искусств ¹⁾ и студентов-практикантов Этнологического факультета I М.Г.У. ²⁾).

Члены экспедиции двумя отрядами выехали из Москвы на Тамань: один чрез Керчь, другой — чрез Краснодар. И в Керчи ³⁾, и в Краснодаре ⁴⁾ государственные и общественные круги оказали огромное внимание экспедиции.

В Краснодаре к экспедиции присоединились для работы в ней Завед. Кубано-Черном. Музейным Управлением проф. Г. Г. Григор, сотрудник Куб. Окр. Музея Г. А. Панюта, доктор-антрополог В. В. Бобин и 4 студ.-практиканта Педагогич. Ин-та ⁵⁾.

В Краснодаре Экспедиция изучала коллекции Куб. Окр. Музея, провела ряд докладов в научных организациях.

В Керчи изучала памятники в Музее относящиеся к Тамани, взяв их на учет во всем их разнообразии.

Сборным пунктом на Тамани для экспедиции был избран г. Темрюк.

Руководителем экспедиции был действ. член Ин-та Археологии и Искусствознания А. С. Башкиров.

В Темрюке присоединился к экспедиции директор местного Музея С. Ф. Войцеховский, геолог по специальности, прекрасный знаток природы полуострова, местный любитель старины Ф. Н. Бублик и В. Войцеховская.

Изучение культур прошлого Тамани начинается с XVIII в., но системно „в погоне за ценными вещами с спорадическими попытками выяснить отдельные научные проблемы“ ⁶⁾. Сводку археологических изысканий до 70-х г.г. XIX ст. „сделал вполне добросовестно и основательно К. Герц в прекрасном исследовании „Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г.“ М. 1876 г. переизданном в „Собрании сочинений, в. 2, (СПБ. 1898)“ и в другой работе Герца „Археологическая Топография Таманского полуострова“, М., 1870, переизданной в „Собр. соч.“, в. 1, (СПБ. 1898 г.) ⁷⁾.

Дальнейшая разработка археологического материала с „критическим обозрением памятников литературных и археологических“ специально для античного периода проведена в многочисленных трудах академика Ростовцева и в особенности в сводной его работе с тонко проработанным материалом „Скифия и Боспор“, М., 1925 г. Но и Герц и Ростовцев касаются культур ирано-эллинского порядка, культуры же Доисторических времен, Средневековья и Нового времени остаются совершенно не изученными ⁸⁾.

Если археологические обследования XIX и нач. XX в.в. велись спо-

1) Н. П. Кивокурцов (и упомянутые выше в пункте 1-м). Музей Изящных Искусств оказал внимание экспедиции тем, что некоторых своих сотрудников субсидировал денежными средствами.

2) Е. В. Веймарн, Т. Н. Наздарская, И. Л. Снегирев и В. Н. Чепелев.

3) Большую помощь и научное гостеприимство оказал Керченский Музей Древностей и в особенности директор его Ю. Ю. Марти.

4) Среди краснодарских учреждений и лиц оказали внимание экспедиции Кубанский Обл. Исп. Комитет, Куб. Отд. Нар. Образ., Куб. Пед. Ин-т., Кубано-Черн. Област. Музей, Литературно-Историч. и Этнологич. Об-во, Редакция газ. „Красное Знамя“ и отдельно М. И. Базарников (ректор Пед. Ин.), профессора М. В. Клочков, Г. Г. Григор, Н. А. Захаров, А. Ф. Лещенко, Зав. окр. ОНО И. О. Потапов и др.

5) И. К. Карпенко, Р. Л. Коужил, Я. Н. Саенко и В. Н. Скиба.

6) М. И. Ростовцев „Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических“, Л., 1925. с. 259.

7) Там-же. с. 260.

8) Краткий исторический очерк Тамани нами помещен в № 16—17 „Нового Востока“.

радикально, выхватывались отдельными штрихами безо всякой системы, без изучения общего топографического облика, часто в погоне за раритетами, то теперь, нам думается, пора приступить к упорной систематической работе от общего топографического изучения памятников, с их природной обстановкой, с осторожными зондажными разведками культурных слоев, не выхватывая памятники какой либо одной, может быть, и весьма интересной культуры.

К археологическому обследованию Тамани особенно побуждает исследователей чрезвычайная гибель памятников.

Первым пунктом экспедиционного обследования 1926 г. был Темрюк и его окрестности. В самом Темрюке почти нет памятников древности на виду *in situ*, если не считать слабые остатки валообразных насыпей, скрывающих остатки разобранных турецких укреплений и оборонительных сооружений первых десятилетий казаков-поселенцев. Обследование насыпей, может быть, дало бы и более древние культурные слои.

В музее Темрюка была изучена с составлением подробной описи, инвентаря и карточного каталога археологическая коллекция античной поры: керамика (75 №№), бронза (6 №№), скульптура (4 №№), монеты (141 №№). Среди коллекции есть памятники весьма интересные, напр.:

одна пелика (рис. 3, выс. 0,254) и ряд надгробий с рельефами (напр., рис. 4, выс. 0,35—0,61, шир. 0,56, толщ. 0,09; найдено в Ст.-Титоровской ст-це). При обследовании окрестностей Темрюка было обнаружено интересное городище на территории, так наз., „Северных Садов“¹⁾. Изучение обрывов и поверхности его дало керамический показатель в виде многочисленных фрагментов амфор, огромных пифосов и черепицы поздне-римского характера и своеобразной посуды из серой глины шаровидных одноручных кувшинчиков и шаровидных горшечков, покрытых орнаментом из горизонтальных резных полосок. Посуда эта в керченских погребальных сооружениях раннего средневековья сопровождается обычно инвентарем, так называемого, „готского“ типа.

Из Темрюка экспедиция сделала первый рейд в район Титоровского и Кизильташского лиманов.

Старо-Титоровская станица в юго-зап. части ее дала нам ряд интерес-

ных памятников в урочище „Могилки“. Среди урочища находится огромная площадь, поверхность которой изрыта кругами. Это ничто иное, как уничтоженный курганный могильник, насыпи которого выбраны на саманный кирпич для построек станицы. Ярким свидетелем того, как разрушен был курганный могильник в настоящее время является, находящийся здесь курган, наполовину уже растащенный. Каково было содержание старо-титоровских курганов для археологов неизвестно, они не были даже зарегистрированы прежними исследователями. Оставшаяся половина кургана требует обследования. Возможно, что она еще даст

¹⁾ Находится городище над поймой, прилегающей к юго-западным плавням Курчанского лимана на участках крестьян Аф. Антоненко, Чурилина, Козлова и их соседей. Верхние слои в большей своей части пройдены плантажем под виноградник и огороды.

Рис. 3.

некоторые сведения, характеризующие культуру старо-титоровского курганного могильника. На местах разрушенных курганов встречаются амфорные и др. черепки поздне-античного типа.

На юго-вост. берегу Титоровск. лимана около садов на поверхности вспаханного поля попадаются фрагменты простой античной посуды.

От окрестностей Ст.-Титоровск. ст-цы мы перебросились в северный и северо-вост. район Кизильташского лимана. Кизильт. лиман еще лет 30—40 тому назад был основным приморским бассейном, принимающим главные воды Кубани, теперь новое направление Кубани идет через северо-восточный рукав, канал и через Ахтанизовский лиман с мощным

Рис. 4.

прорывом у Пересыпи (к С. от Ахтанизовской станицы в Азовское море ¹⁾. С Кизильташским лиманом Кубань соединяется ериками ²⁾.

К сев. от садов („баги“) Старо-Титор. ст-цы, разбросанных по берегу Кизильташск. лим., на территории обширных баштанов и полей находится до 10 разнокалиберных курганов в большей своей части запаханых. Вокруг курганов на пространстве 2—3-х кв. верст идет тонкий культурный слой с черепками однотипными городищу Северных Садов

¹⁾ Прорыв у Пересыпи, так называемое, Пересыпное гирло представляет новейшее восстановление древнего русла Кубани, которая когда-то имела направление непосредственно на Зап. через ряд рукавов, ныне совершенно забитых. Об них несколько слов скажем ниже.

²⁾ Новое направление р. Кубани главными водами в Азовское море до сих пор не принято во внимание на издаваемых картах. Изданная картографическим отделом корпуса военных топографов, 10-тиверстка 1923 г. показывает старые сведения 50—70 г.г. XIX в., у нее нет даже показания Пересыпного гирла у Пересыпи.

около Темрюка. Ряд курганов спускаются цепью к, так называемой, Сухой балке в северо-вост. углу лимана.

После обследования Титоровско-Кизильташского района экспедиция приступила к выполнению основного маршрута от Темрюка через весь полуостров на Запад. Первым серьезным пунктом был район ст-цы Голубицкой (бывш. „Темрюкский отселок“), расположенной в восточном конце возвышенной гряды, разделяющей, как монументальная дамба, Ахтанизовский лиман от Азовского моря. В восточной части ст-цы в ряде естественных и искусственных обрезах возвышенности ярко выделяются мощные культурные слои длительной жизни городища. Городище рассечено на две части искусственным углублением овражного прорыва, через который в настоящее время проходит дорога. Восточная, отсеченная часть, превращенная еще в XVIII в. почти в равносторонний четырехугольник (ок. 43 саж. в поперечнике), известна под именем „Суворовский редут“ с бастионами. Редут совершенно испортил конфигурацию городища и только в почвенных обрезах видимы остатки культурных слоев¹⁾.

В придорожных обрывах западной половины городища экспедиция произвела зондажный обрез с целью выяснить характер культурных слоев. Высота обреза доходила до 4 мтр., из которых ок. 2¹/₂ мтр. представляли ряд культурных наслоений, давшие под слоем гумуса 3 определенных горизонта, разделенных 2-мя весьма рельефными прослойками больших пожаров. По предварительному анализу культурных слоев на основании количественно-богатого керамического материала можно утверждать, что если нижние слои восходят к эллинистической эпохе, то верхние слои ко времени позднего Рима II—III в.в. н. э. Интересно отметить и тот факт, что в слоях встречаются в большом количестве фрагменты сырцового (саманного) кирпича, служившего строительным материалом²⁾.

На территории городища уцелело несколько кургановидных насыпей. Последние в направлении с В. на З. идут мелкой цепью и за станицей почти вдоль почтовой дороги к Пересыпному гирлу.

Что-же это за городище?

Карл Герц посвящает ему 1¹/₂ страницы³⁾, дает карту Темрюцкого отселка⁴⁾ и приводит мнение Дюбуа о том, что в Голубицком городище можно видеть территорию древнего города Тирамбы.

К Северу и Югу от городища и в особенности от Суворовского редута—к Азовскому морю и Ахтанизовскому лиману идут остатки вала, защищавшего некогда доступ со стороны прибрежных низин на полуостров Пересыпь, в древности представлявший остров, если принять во внимание, что современный прорыв—Пересыпное гирло проходит по одному из рукавов Кубани, направлявшемуся в Азовское море.

После работ на Голубицком городище работы экспедиции сосредоточились на „Пересыпном городище“, находящемся на обрывистом берегу Азовского моря в 100 мтр. к Зап. от Пересыпного гирла.

„Пересыпное городище“ тянется вдоль морского берега на расстоянии ок. 500 мтр. узкой полосой от 70 до 80 мтр. и с каждым годом становится все уже и уже, так как постоянный морской прибой изо дня в день

1) Последнее дает основание предполагать здесь акрополь городища.

2) В коллекциях Государств. Историческ. Музея в Москве (в зале № IV витр. № 12 нижн. полка) хранятся 2 массивных бронзовых слитки в форме огромных овальных блюдец весом ок. 3 пудов, найденные, как говорит донесение в Имп. Арх. Комиссию Наказного Атамана Кубанск. казачьего войска под № 114, 1906 г., „казакон Григ. Костенко в хуторе Голубинском“. Дело И. А. К. № 43, 1906 г.

3) „Археологическая топография Таманского полуострова“. Собран. соч., в. 1. СПб. 1898. II, с. 147—149.

4) Там-же, табл. № IV.

подтачивает берег и уносит культурные слои¹⁾. Возвышенная поверхность городища давно уже распахивается и на распаханном поле обычный перевернутый почвенный слой с культурными остатками.

Городище разделяется на 2 части: восточную меньшую и возвышенную, представлявшую, вероятно, акрополь и западную большую— собственно город, ограниченную от первой широкой овраго-образной выемкой, которая на Юг в сторону от моря расширяется и суживается на Сев. у берега, образуя узкий проход для связи двух частей городища. Замечено и то, что западная часть городища, примыкающая к акрополю, имеет чрезвычайно толстые и разнообразные культурные слои, уходя же к Зап., они постепенно уменьшаются в количественном отношении и утоньшаются. Это указывает на развитие поселения и на то, что основной центр поселения с древнейших времен был в восточной половине городища.

Произведенный зондажный обрез культурных слоев высотой в 1,97 мтр. дал под черноземом каштанового цвета 3 культурных слоя: верхний в 0,84, родственный верхнему слою Голубицкого городища; средний в 0,73—поздне-элленистического характера, и нижний в 0,40, который дал несколько черепков чернолаковой патеры, по форме восходящей к V в. до н. э.

На городище в береговом обрезе летом 1926 г. крестьянином Пересыпного поселка Алексеем Коробовым был найден массивный акротерий надгробной стелы пантикапейского типа, богато-орнаментированный с лицевой стороны по форме пальметки рельефными пучками тонких аканфовых листьев и разводов (рис. 5)²⁾. Вместе с акротерием было обнаружено горло от массивной амфоры поздне-античной формы с клеймом³⁾.

Рис. 5.

Открытие Пересыпного городища принадлежит Темрюкскому музею.

От западных пределов Пересыпного гирла экспедиция, пройдя чрез Ахтанизовскую станицу, направилась для изучения хорошо известной в литературе горы Бориса и Глеба, находящейся в 5 верст. на юг от Ахтанизовской ст-цы, связанной с легендой о существовании на ней некогда храма Артемиды-Агротеры, построенного, по надписи, обнаруженной здесь, Ксеноклидом сыном Посия при Перисаде I (349—311 до н. э.) боспорском царе, здесь же академик Келлер обнаружил торсы статуй богов Санерга и Астары с базой, на которой греческая надпись говорит, что царица Комосария жена Перисада I поставила этот двойной памятник.

Легенды, связанные с означенными памятниками, и подробности о них переданные Герцем⁴⁾ с планом „храма Артемиды-Агротеры и горы

1) Детальное изучение этого городища является одним из первоочередных, если мы не хотим, чтобы оно окончательно погибло для науки в ближайшее время.

2) Размер стелы: высота—0,86, ширина—0,51 и толщина—0,19.

3) И акротерий и амфорное горло направлены в Темрюкский музей.

4) Там-же, стр. 152—7.

св. Бориса и Глеба“¹⁾ призвали нас к обследованию горы. К сожалению никаких остатков от храма Артемиды не обнаружено, если не считать заросшую канаву от выбранных фундаментов разрушенной в 1918—20 г. часовни Бориса и Глеба и ее ограды, стоявшей, вероятно, на месте античного храма.

Заложенная зондажная траншея чрез западное ложе фундамента с В. на З. дала небольшое количество черепков амфорного типа и краснолаковой посуды I—II в. н. э.²⁾ Подъемный материал с окружающей поверхности дал некоторое количество и поздних чернолаковых фрагментов. Другие места горы и ее склоны, несмотря на тщательный осмотр, не дали ничего.

Незначительность находок на горе была вознаграждена той картиной, которая наблюдалась нами с вершины горы. Роскошная панорама открывала пред нами почти весь Таманский полуостров в его глубокоинтересных деталях.

К Ю.-З. от г. Бориса и Глеба, от Ахтанизовского лимана, к нижнему берегу Таманского залива тянется комплекс остатков древнего русла Кубани (Хреева коса, озеро Яновского и узкое низменное пространство от озера к Там. зал. у Шимарданской бухты); к Сев. этот комплекс старого русла ограничивается, так называемыми, фанагорийскими высотами, идущими с Зап. от Таманского зал. к Вост. и кончаясь мысом г. Бориса и Глеба; с Сев. эта Фанагорийско-Борисоглебская возвышенность была так же отрезана широким протоком, соединяющим низину нынешнего Ахтанизовского лим. с юго-вост. углом Таманск. зал., следы протоки явственны в таких остатках, как залив Химка на Вост. и заболоченная луговина к Сев. от хут. б. Посполитаки (Пролетарская коммуна) на Зап.; к Сев. от остатков бывш. протоки параллельно Фанагорийской возвышенности проходит горная цепь Цимбалов с рядом вулканических вершин. Цимбалы на Вост. имеют постепенный спуск к низине до уровня Ахтаниз. лим., на Зап. же они круто обрываются к Таманск. зал., представляя над ним пологое к Ю. и приподнятое к С. плато; по хребту Цимбалов возвышается цепь курганов до 15 шт. За возвышенностью Цимбалов почва снова сильно понижается и рельеф местности показывает нам, что в древности здесь также было водное русло. В особенности яркая картина намечается от, так называемого, залива Орлова в с.-з. углу Ахтанизовск. лим. у Пересыпного гирла; к З. от этого залива и к С. от Ахтанизовской ст-цы идет обширная полузаболоченная низина, которая около лимана имеет ряд озерков; центр этой низины и по сие время носит наименование „Субботин ерик“ (по местному произношению „Субботын ерик“); на встречу Субботину ерику на Зап. от северо-вост. угла Таманск. залива идет сильно заболоченная топкая низина, иногда наполняющаяся водой и от того труднопроходимая. Комплекс остатков водной протоки из Орловского залива, озерков к Зап. от него, пересохшего Субботина ерика и заболоченной низины у сев.-вост. угла Таманск. залива—все это говорит о том, что здесь так же некогда был рукав Кубани.

Из рассмотрения рельефа и деталей местности перешейка между Ахтаниз. лим. и Таманск. зал. мы видим, что некогда здесь было три речных русла, которые превращали в острова возвышенности Фанагорийско-Борисоглебскую, горный кряж Цимбалов и полуостров Фонталовский, если принять во внимание, что прорыв Пересыпное гирло был также в

1) Там-же, стр. 156.

2) Траншея обнаружила почвенный слой толщиной ок. 0,32, чистый культурный слой 0,50—0,53. Под культурным слоем находится слой лесовой глины с известковыми глазками толщиной 0,42—0,45, который покоится на материке из „майкопской“ глины (ржавого цвета от присутствия железняка).

древности (как теперь) рукавом Кубани. Перед нами вырисовывается схема древней полинезии, за какую считали древние авторы современный Таманский полуостров. Рассматривая местность к Зап. от г. Бориса и Глеба, мы фиксируем только часть элементов островной системы, пропускающая хотя бы такие подробности как бывшую в древности связь Титоровского лимана с лим. Цокур, последнего с Таманским заливом и т. д. Любопытно отметить и то, что окончательное засорение некоторых старых протоков реки прошло не очень давно, м. б., на протяжении 150—200 лет и даже на глазах русских колонистов, о чем говорит современная русская географическая номенклатура: „Хреева коса“, „Субботин ерик“ и др.

Итак, путешествие экспедиции на гору Бориса и Глеба имело значение не только в узко-археологическом смысле, но и в общем топографическо-ориентировочном отношении.

Еще от Пересыпного гирла (от Пересыпного городища)¹⁾ тянется с В. на З. через весь Фонтал. полуостров возвышенный широкий кряж, сохранивший на своем ребре цепь курганов, проходящую чрез ст-цу Фонталовскую до вулканической возвышенности Горелая Могила (Куку-Оба). От ст-цы Фонталовской отделяется, направляясь в сев.-западном направлении к основанию мыса Чушка, ветвь цепи курганов. Такая же цепь курганов до 15—16 шт. тянется на Юго-Восток к северо-восточн. углу Таманского залива. Таким образом ст-ца Фонталовская является как бы своеобразным пунктом, от которого идут специфические ответвления.

Ряд курганов находится в самой ст-це Фонталовской, из них 2 кургана „Фонталовские Близнецы“ отстоят за версту к Юго-Восток-Востоку, подвергнутые раскопкам. К. Герц указывает, что „из этих двух курганов... поверхностно был раскопан А. Б. Ашиком, другой же... был подвергнут исследованию в 1853 г. Я. М. Лазаревским“²⁾.

На кладбище ст-цы, примыкающем к ней с востока, уцелел огромный курган, усеянный современными надгробными крестами и памятниками, свидетельствующими о массе впускных погребений. Не менее монументальный курган стоит внутри ст-цы на земле, принадлежавшей сотнику Панабаку³⁾.

Про последний курган Герц говорит, что он „был неоднократно и сильно копан, так что еще до раскопок 1853 года в нем было сделано более 8 огромных ям... По поручению графа (Л. А. Перовского) в 1853 году в нем было сделано несколько раскопок Я. М. Лазаревским, при чем в насыпи открыто было 8 больших амфор. Но работы были прекращены и с тех пор не возобновлялись“⁴⁾.

„Селение Фонтан, говорит Герц, на месте которого существовал татарский аул, получил свое имя от источника с обильной водой... теперь он находится в самом жалком состоянии. Можно предположить, что и этот колодез принадлежит временам греческой древности... к сожалению, мы не имеем почти никаких сведений о том, были ли находимы когда-либо следы греческой древности в Фонтане... Дюбуа видел в Фонтане одни следы татарской мечети“⁵⁾.

Несмотря на то, что в ст-це экспедиция не приняла мер к изучению культурных слоев ее, ей удалось наблюдать 2 выемки земли, которые показали, что „следы греческой древности в Фонтане“ уцелели. Так выемка земли для колодца на одном участке дала в боль-

1) Точнее будет, если скажем: от восточной оконечности Голубицкого городища.

2) К. Герц. Там-же, ст. 132.

3) Там-же, стр. 132.

4) Там же, с. 133.

5) Там же, с. 232.

шом количестве фрагменты амфор классического типа; при выемке земли при добыче глины для саманного кирпича на другом участке под вскрытой почвой обнаружен был культурный слой с большим количеством амфорных фрагментов по типу совершенно аналогичные фрагментам первого участка. Первым местом работы экспедиции от ст-цы Фонталовской была территория станичных садов („баги“) на берегу Азовского моря в 4 верстах от ст-цы в урочище Кучугуры.

Еще К. Герц говорил, пользуясь указаниями Я. М. Лазаревского ¹⁾, что „около Кучугур находится баттарей ²⁾, размеры которой нам неизвестны“ ³⁾.

Баттарей или городище Кучугур расположено на самом берегу Азовского моря. Обнаружено оно на протяжении 200 метр. вдоль берега береговыми обвалами, в высоких обрезах которых видны четкие культурные слои. Центр городища приходится к современному участку крестьянина Пантелеймона Щербины. Со стороны материка нет никаких внешних признаков для обнаружения городища. Верх его, как и всего здесь берега, сильно завейн мелким морским песком, представляющим мельчайшие кусочки морских мелких ракушек, разрушенных морем, выброшенных на берег, а затем, вследствие их легкости, переброшенных ветрами на возвышенную поверхность берега. Пески местами глубокие и холмистые, что и вызвало для урочища наименование „Кучугуры“.

Культурные слои иногда доходят до 2—3½ метр. Присутствие камня здесь уже хороший признак, говорящий о постройках более монументального порядка, чем сооружения из сырцового кирпича. Отсутствие камня в окрестностях Кучугур говорит за то, что он привозной. Самое близкое место к Кучугурам, где можно было ломать камень, это Каменный Мыс, расположенный к Западу от Кучугур в 10—11 верстах.

На участке кр-на Пантел. Щербины у дорожного спуска к морскому берегу экспедиция произвела зондажное изучение культурных слоев, выбрав участок с разрушающимися фрагментами фундаментов. Высота культурных слоев здесь достигает 3,30 метр. при количестве 4 слоев. Интересно то, что каждый слой характеризуется здесь разными почвенными породами: 1-й верхний слой эолова происхождения с морским песком со слабыми признаками культурных остатков при нижнем горизонте; 2-й суглинистый с содержанием культурного порядка; 3-й лесовидный с культурным содержанием в верхнем горизонте и 4-й слой погребенной почвы чернозема, образованного древним растительным покровом.

Обнаруженные при первоначальном осмотре обреза камни, залегающие на глубине 0,60 метр. от поверхности, показали, что они представляют фрагменты 2-х фундаментов, связанные между собою под прямым углом, внешний фас которого на С.-В. примыкает к внешнему краю обреза. Во внутреннем углу фундаментов были обнаружены фрагменты небольшого пифоса позднего античного времени. Культурные слои сопровождались большим количеством керамических фрагментов, среди которых в верхнем слое встречались черепки названной выше „готской“ керамики, а вернее будет, если назовем ее туземной, а в нижнем слое был найден фрагмент черно-фигурного лекифа.

У основания мыса Чушка на территории поселка Ильича—урочище Кордон—поселка Чушка экспедиция обследовала территорию огромного городища, поверхность которого, усеянная массой культурных остатков, имеет в своей северо-восточной части ряд больших возвышенностей.

¹⁾ „Курганы Таманского полуострова“, Изв. и. Арх. Общ., т. II, стр. 31.

²⁾ Под „баттарей“ местные жители называют пункты старых поселений, предполагая, что они имели в свое время оборонительные сооружения.

³⁾ К. Герц, там же, стр. 145.

К. Герц, бегло описывая район Чушки или Северной Косы, приводит краткие сведения, полученные у Я. М. Лазаревского и В. Г. Тизенгаузена (1868 г.) и описание Палласа, высказавшего мнение о том, что „здесь, кажется, было местоположение Страбонова Vicus Achilleus; впрочем (гов. Паллас) я не хочу прямо утверждать, что это укрепление обозначает его местоположение“. Герц приводит и мнение Дюбуа, который „принимает эту батарею за город Керберион или Киммерикон греков, основанный, по словам Скимна, тиранами боспорскими. Восемь курганов окружают эту батарею; 4 кургана расположены по дороге, идущей от нее на восток“¹⁾.

В обрезах возвышенностей и на участках вспаханных под баштаны, разбросана масса черепков, которая в большей своей части поздне-античная. И размеры городища, и его насыпи говорят о том, что в древности здесь был крупный населенный пункт, об этом говорят и те цепи курганов, которые направляются сюда с восточной части полуострова. Здесь же на хуторе Куксенко нами обнаружена, изучена и взята на учет для Темрюкского музея надгробная стена (см. рис. 6) хорошей сохранности с рельефным изображением.

Положение городища мыса Чушки чрезвычайно ценно. Находясь на выходе Керченского пролива из Азовского моря, имея на европейском берегу пролива ряд древних городов и в 18 килом. Пантикапей (н. Керчь), являясь северо-зап. конечным пунктом полуострова, естественно древнее поселение носило на себе роль крупного посредника между Крымом и пределами нижнего Прикубанья. Детальное обследование данного пункта чрезвычайно необходимо. Оно может дать преинтереснейший материал к истории Киммерийского полуострова. А если здесь действительно было поселение, связанное с именем троянского героя Ахилла, то внимание исследователей должно быть сугубое.

Дальнейшее изучение Фонталовского полуострова было сосредоточено на южной полосе при Таманском заливе, где весьма интересным пунктом была территория хутора „Коммуна Звезда“.

В восточной части усадьбы находится крупное городище с мощными культурными слоями; территория его в возвышенной части может считаться акрополем, а примыкающее к нему с Востока пространство, с культурными слоями и городским поселением. Городище тянется вдоль берега метров на 250. К Западу от усадьбы вдоль берега находится обширный могильник. Воды залива с чрезвычайной силой разрушают берег и городище и могильник с каждым новым прибоем гибнет для науки. Обрезы берега в городище обнажают слои и дают большую пищу для счастливиц, но лакомым для них куском является могильник, где обрезы могил рельефно выступают в лесовидной почве, а штормовые волны без участия лопаты и кирки дают материал для кладоискателей. Керамические фрагменты ясно говорят о том, что городище и его могильник эллинистической и римской поры. Нам удалось только

Рис. 6.

¹⁾ По Герцу, там же, стр. 142.

фиксировать памятник, старший член Коммуны Звезда А. З. Черков сообщил нам, что Керченский музей за старые годы получил с территории коммуны через счастливичиков ряд каменных стел. Одна из стел, найденная здесь и хранящаяся в Коммуне, нами была описана. А. З. Черков передал для изучения экспедиции 52 древних бронзовых монеты сильно окислившиеся и требующие лабораторной очистки с тем, чтобы после изучения монеты были переданы в Темрюкский музей.

Следующим пунктом изучения было селение Татарское, которое при обследовании дало нам следы поздне-античного населения с небольшим курганным могильником и старое татаро-турецкое кладбище.

Обследование Фонталовского (Киммерийского) полуострова закончилось изучением, так называемого „Киммерийского Вала“, одного из любопытных сооружений, на котором останавливался еще Дюбуа. Касаясь этого памятника мы приведем слова Герца: „Юго-восточную границу полуострова Фонтан образует старинный вал, который начинается от самого крайнего северо-восточного угла Таманского залива и кончается, как говорят, у Азовского моря, ниже станции Пересыпной, что составляет протяжение около семи верст. Дюбуа ни слова не говорит о его протяжении в длину. По его итинерарию должно заключить, что вал едва ли может иметь это протяжение“... ¹⁾. Далее Герц говорит, „что этот любопытный памятник древности никогда не был предметом серьезных исследований... Он весьма хорошо сохранился там, где его пересекает дорога, идущая от хутора Пивневой ²⁾ в сел. Фонтан. Тут он имеет высоту около одной сажени, ширина же более двух. Ров (? А. Б.) шириною в полторы сажени, еще довольно глубок. Находясь на внешней стороне вала он имел очевидное назначение—защищать полуостров со стороны фонагории (? А. Б.). В некоторых местах вала находятся проезды, и, как кажется, следы фундаментов башен, что касается до времени сооружения этой замечательной земляной постройки, то и этот вопрос никогда не был поднят. Дюбуа назвал его Киммерийским, основываясь на словах Страбона, который при описании азиатской стороны Боспора Киммерийского говорит: „Киммерик в прежние времена был город, основанный на полуострове и замыкавший перешеек рвом и земляным валом. Киммерийцы в древние времена были очень могущественны на Баспоре, которому дали свое имя“... Герц прибавляет к сказанному, что „только правильное расследование этой любопытной земляной постройки может подтвердить остроумное предположение Дюбуа, которое до тех пор останется гипотезой“ ³⁾.

Киммерийский вал весьма заинтересовал экспедицию и в особенности еще и потому, что член экспедиции С. Ф. Войцеховский, неоднократно останавливавшийся свое внимание на этом памятнике, высказал предположение, что означенный вал был сооружен не с оборонительной целью, оборонительное значение его было использовано в последствии и что вал представляет сооружение гидротехнического порядка. Эта новая точка зрения подкрепленная внимательным осмотром местности экспедиции и деталей вала заставила провести некоторые зондажные работы. С внешней стороны (с Юга) вала были произведены у подножья вала выемки в почве, которые дали прежде всего результаты, говорящие о том, что здесь проходило речное русло, что никакого признака рва (как говорил Герц) и не было и что вал играл роль своеобразной дамбы, защищавшей низкий северный берег Таманского залива по Фонталовскому полуострову от заболачивания разливом вод Кубани, идущих по протоке,

¹⁾ Герц. Там же стр. 129.

²⁾ Ныне хутор артели „Смелая“.

³⁾ Герц. Там же стр. 130.

описанной нами выше и существующей в восточной ее части под именем Субботина ерика и др. фрагментов протоки.

После работ над Киммерейским валом экспедиция приступила к обследованию побережья Таманского залива в восточной и юго-восточн. его части. Еще на земле хутора артели Смелая (б. Пивневой) стали попадаться тонкие культурные слои с средневекового характера с так наз., татарской посудой, а за ними непосредственно на полях покатых склонов Цимбалов и в высоких обрезах приморских берегов были наблюдаемы массивные культурные слои с разновременным инвентарем, показавшим керамическими фрагментами на существование здесь крупного поселения с эллинистических времен до эпохи позднего средневековья. Изучавшие Тамань Э. Д. Кларк (1800 г.) и позднее В. Г. Тизенгаузен, пораженные здесь обилием и разнообразием культурных слоев, высказывали предположение о возможном существовании здесь города Кепос. Нижние слои массивного городища, окруженного многочисленными курганами, идущими сюда и с вулканического хребта Цимбалов и с его склонов дают право ставить вопрос о существовании здесь античного города и, м. б., Кепос, и был здесь, но верхние слои вскрытые плугом под пашню и плантажем под сады и виноградники говорят нам о существовании города и в эпоху средневековья. Поверхность почвы и верхние слои в нетронутых местах дают в большом количестве поливную посуду, так называемого у нас, в Крыму „херсонесского“ типа со светло-желтой глазурью, с орнаментами в виде продолговатых лепестков коричневых разводов, кружков один в другом и др. датируемую обычно XI—XII в. Там же на перевернутой запашкой поверхности находятся кусочки мраморов от штучной мозаики. Среди поливы ранней—византийской поверхности встречается глазурь и ярко-зеленая, так наз., турецко-татарская XIV—XVI в. Весьма интересно разрешить вопрос: Какой город существовал здесь в эпоху средневековья?

Имя города было, вероятно, тождественно с названием острова, каковым являлась возвышенность Цимбалов с их склонами, как мы уже указывали выше.

Мы уже указали, что верхний культурный слой сорван разными полевыми и садовыми работами, разрушается городище и со стороны моря, разрушаются также и окружающие курганы медленно, но верно, переводимые на саманный кирпич, а попутно с разрушением погребений и расхищением их инвентаря. Весьма красочно фиксировано нами с фотографией разрушение огромного кургана на саманный кирпич в усадьбе хутора гр. Воропаева, где при нас целые штабели кирпича сушились на солнце у подошвы разбираемого кургана ¹⁾. Во дворе гр. Воропаева стоит и бытует до сих пор огромный древний пифос, приспособленный для хранения дождевой воды.

За последние годы, по словам жителей, счастливики обратили особое внимание на городище Кепос (?), а это хороший признак того, что здесь обнаруживаются интересные памятники.

За низиной от южного склона Цимбалов начинается подъем Фанагорийской островной возвышенности, название которой мы придали по имени редчайшего памятника древности—территории античного города Фанагории. Приближаясь издалека с Сев., приходишь в изумление от чрезвычайной всхолмленности юго-восточного берега Таманского залива. Группы курганов сгущаются все более и более и, наконец, налезая один на другой, как бы опрокидываются в воды залива, оставляя на береговых обрезах небольшие свои остатки, а подчас и огромные половинки, ждущие

¹⁾ Как яркая иллюстрация разрушения памятников, факт этот фиксирован экспедицией в особом акте, копия которого направлена в соответствующие органы по охране памятников.

своей очереди в падении. Но... далеко, конечно, не сами курганы, теснясь к углу залива, опрокидываются в его воды, а на оборот, из шторма—в шторм, постоянным мелким, но настойчивым прибоем подтачиваемый берег падает, а с ним и курганы колоссального фанагорийского могильника, части акрополя и городского поселения.

Мы не будем останавливаться на подробностях топографических и археологических этого глубоко интересного места. Целые главы посвящает ему К. Герц, огромное внимание уделяет акад. М. И. Ростовцев.

Необходимо систематическое и постоянное наблюдение за Фанагорией. Необходима фиксация ее топографии, обследование разрушаемых частей городища и могильника, а затем и постепенный переход к систематическому изучению основного культурного облика древнего города.

Территория Фанагории при обследовании экспедиции дала материал, приоткрывающий завесу над ее весьма глубоким прошлым. Так, в западной части городища на прибрежных дюнообразных песках были найдены кремневые поделки и поделки из дентина мамонта. Правда, эти находки в очень небольшом количестве, но и это уже является прекрасным показателем того, что жизнь человека на территории Фанагории идет с очень глубоких времен.

Еще в Темрюке мы получили известие о том, что знаменитый расписной склеп в кургане на Васюринской горе—редчайший, один из мировых памятников по своей росписи, относящийся к эпохе раннего эллинизма, вскрыт злоумышленниками и находится под опасностью разрушения. Посещение склепа, сделать было не трудно, так как вход в склеп был открыт сверху. Состояние памятника оказалось весьма печальным и угрожающим. Если не будут приняты меры в ближайшее время, то он погибнет. Его полуциркульный свод имеет трещину вдоль посредине, в пятах сводов сделана попытка выбрать камень из кладки, поперечная стена, поддерживающая свод, тоже сильно разошлась в пазах кладки и в случае выемки хищниками из нее камня произойдет ослабление свода и падение его. Сильно пострадала фресковая роспись склепа: местами она обрушилась, местами потрескалась и грозит падением; гибнет она и от перемен температуры и от невежества посетителей, пытающихся брать кусочки росписи „на память“, а так же от скверной и странной привычки заполнять надписями и автографами стены. Склеп прекрасно описан с зарисовками и чертежами акад. М. И. Ростовцевым в его „Античная декоративная живопись на Юге России“. СПб. 1914, стр. 30 и след., где дана исчерпывающая датировка его. Спасти памятник от разрушения необходимо в самом срочном порядке. Экспедиция составила акт осмотра, копии которого направила в соответствующие государственные органы, зарисовала — его пострадавшие стены. Посещение Васюринской горы дало прекрасное ориентировочное знакомство с панорамой, развертывающейся с ее вершины — высшей точки Таманского полуострова. С Васюринск. горы развертывается его западная и в особенности собственно Таманская и даже превосходно очерчиваются контуры и гор и берегов восточной части Керченского полуострова.

Последним комплексом изучения памятников был Таманский район.

Прежде всего сама ст-ца Таманская является богатейшим культурно-историческим документом, находясь на территории античного городища (по одним—Корокондама, по другим—Гермонасса; мы склоняемся за первую), пережившего и богатую средневековую эпоху. Когда-то здесь был центр и готов - тетрактитов, и византийских наместников, и хазарского тудуна, и тмутараканского князя, и итальянского консула, и турецко-татарского гарнизона и т. д. Но, несмотря на блестящее прошлое,

превосходно фиксированное историческими документами, в памятниках материальной культуры мы имеем для некоторых эпох очень малые показатели и опять-таки из-за отсутствия систематических исследований. Даже в излюбленной античной поре мы имеем только спорадические исследования ¹⁾.

В первую очередь в Тамани мы взяли на учет с подробным изучением археологическую коллекцию Музея и его филиала на территории Покровской церкви. Здесь были описаны бронзы, керамика, монеты, скульптура, эпитафические памятники, фрагменты архитектуры и, наконец знаменитый „таманский мраморный саркофаг“ из кургана с Лысой горы. Нужно отметить, что среди эпитафических памятников интересны надписи и поздние—турецкие, а среди архитектурных фрагментов привлекают внимание капители византийского средневековья, среди которых наблюдаются образцы от VIII—IX в. до XII в. (напр. рис. 7; выс. 0,59; диам. основ. 0,54; диам. абаки 0,62/0,75). Таманский саркофаг в настоящее время одни датируют эпохой раннего эллинизма, другие считают его римским. Во всяком случае этот памятник роскошного импорта требует точных датировок. Нам думается, что эпоха конца III и нач. II в. до н. э. будет наиболее яркой для него.

Рис. 7.

Закончив описание музейного собрания, экспедиция провела обследование древнего городища по обрезах культурных слоев, которые в керамических фрагментах дали показатели не раньше конца V в. до н. э. Внимание экспедиции привлек участок кр-на Ф. П. Горобец, где по рассказам и местных жителей и директора Музея Остроумова будто бы весной 1926 г. были найдены следы античного могильника, но 2-х дневная разведка не дала интересных результатов.

Обследование памятников района Таманской станицы заключалось в общем ознакомлении с их топографией и состоянием. Первый рейд был пройден чрез гору Зеленского, на Киселеву балку, на мыс Железный Рог, откуда на Зап. чрез мыс Панагия к городищу и могильнику античной поры на участке и около усадьбы Кроткова, после обследования которого был осмотрен район мыса Тузла, где давно уже известны следы античного могильника с частями архаической культуры Элады. Осмотром территории от Тузлы до Тамани чрез Лысую гору первый рейд закончился.

Второй археологический рекогносцировочный рейд был проведен в район мыса Бугаз: по сев.-зап. берегу Бугазского лимана, по южному и юго-зап. берегу лимана Цокур. При разведке, пользуясь картой 1915 г. местного работника В. В. Соколова (+) ²⁾, пришлось внести в нее некоторые поправки и дополнения; так, напр., помеченное на Вост. от Бугазского Солен. озера, городище № XXI, несмотря на тщательное обслед-

¹⁾ В Тамани к экспедиции присоединился директор Краснодарского Музея проф. А. Ф. Лещенко, проф. Пед. Ин. Н. А. Захаров, директор Таманского Музея и археологической станции Остроумов, оказавший своим вниманием и гостеприимством большие услуги, а также сотрудник Керченского Музея М. Т. Сидоренко.

²⁾ Издана в Извест. Таврич. Уч. Арх. Ком., № 56.

дование участниками экспедиции в количестве 10 человек, не обнаружено ¹⁾; в пределах юго-зап. угла лимана Цокур был обнаружен древний вал с сильно заплывшим рвом, обращенные внешним фронтом к Сев-Зап.— к низине, заболоченной части Цокура и ерика направляющегося по широкой балке на Запад.

Последним Бугазским рейдом была закончена работа на Таманском полуострове.

Каковы результаты разведочной экспедиции по Таманскому полуострову 1926 г.?

Не преувеличивая можно сказать, что при чрезвычайно скромных средствах, экспедиция выполнила большую работу по подготовке к будущим работам, а именно: взяты на учет все главнейшие пункты археологического порядка с изучением схемы культурных слоев; произведена топографическая их фиксация с изучением общих природных условий с отнесением каждого памятника *in situ* (городище, могильник, курган и т. п.) к общей и взаимной топографической обстановке. С изучаемых в зондажном порядке культурных слоев взяты своего рода, археологические „пробы“, что при детальном изучении дает возможность проследить культурное взаимоотношение отдельных пунктов и провести, таким образом, общие культурные горизонты. При общем ознакомлении с природными условиями, при содействии проф. Г. Г. Григора и С. Ф. Войцеховского, членам экспедиции археологам удалось получить драгоценные сведения по вопросам геологического образования полуострова, его развития и деформаций. В свою очередь археологи были чрезвычайно полезны товарищам естественникам в деле установления хронологических данных при изучении почвенных образований и деформаций в исторические времена.

Взаимно удалось наметить общую геологическую картину образования отдельных пунктов полуострова. Эти вопросы на Таманском полуострове тем более интересны, что природные факторы его в постоянном движении, развивающие старые образования и внезапно дающие новые— деформации. Экспедиция, как было уже видно, не пропустила ни одного собрания древностей; музеи Краснодара, Темрюка, Тамани и, наконец, Керчи изучены с большой детализацией. Кроме того экспедиция вела постоянную пропаганду среди населения за охрану памятников прошлого, инструктируя и в том, как нужно заботиться о них. Ряд бесед по истории культуры края в городах, станицах и в отдельных крупных хуторах (Коммуна Звезда и др.) вызвал у населения большое внимание к работам экспедиции, что значительно ободряло участников ее в трудные минуты, сопровождавшиеся не редко отсутствием элементарных удобств.

А. Башкиров.

Cet article n'est qu'un bref compte-rendu d'un aperçu archéologique de la pres-que-île de Tamanie concernant la culture Irano-Hellinique ainsi que la culture du moyen-âge.

¹⁾ Здесь же помечено городище и у К. Герца, но по каким внешним признакам дано указание, не известно (см. карту. Т. п-ва).

Об одном до-монгольском памятнике Средней Азии.

История среднеазиатского мусульманского зодчества еще совершенно недостаточно изучена, особенно древнейший ее период — домонгольского завоевания. Далеко не закончена даже регистрация памятников этой эпохи. Этим оправдывается опубликование всякого нового памятника хотя бы с самым кратким сопроводительным текстом. Среди памятников до-монгольской архитектуры могут быть выделены мазары (мавзолеи), сплошь украшенные по фасаду резными терракотовыми плитами. Из памятников с такой декорацией доселе были известны: южный мазар в Узгене 1186 г. н. э. (в Фергане)¹⁾ и мазар Айша-биби в селении Головаческом в 18 верстах от Аулие-Ата²⁾. К ним присоединяется впервые публикуемый теперь очень интересный памятник — мазар Манасса в 88 верстах от Аулие-Ата³⁾. Первые сведения об этом мазаре нам пришлось получить в 1925 г. от молодого ташкентского ориенталиста П. П. Иванова, видевшего этот памятник и подготовляющего к печати его описание и перевод надписей; по его словам, даты построения мазара в надписях не дано. От ташкентского археолога М. Е. Массона, видевшего мазар в 1925 г., мы узнали, что мазар украшен резной терракотой только со стороны главного фасада, что купол мазара упал, но своды уцелели и что внутри нет ни украшений, ни дахмы (могилы). Воспроизводимая фотография (рис. 8) приобретена нами в Аулие-Ата в 1925 г. от местного фотографа; впервые мазар был заснят в 1920 г. экспедицией Н. Тюрякулова. Мазар должен быть подвергнут обстоятельному изучению на месте; в настоящей же краткой заметке мы остановимся только на терракотовой декорации его фасада, позволяющей сделать выводы о дате и художественном круге, к которому принадлежит памятник. Декорация эта сохранилась лишь в верхней части пиштака, занимая примерно $\frac{2}{3}$ его площади. Здесь мы видим применение до десятка различных орнаментальных мотивов, как растительных, так и геометрических. Большую роль в этой орнаментации играют арабские надписи на фоне растительных мотивов. Композиция этой терракотовой декорации аналогична композиции южного узгенского мазара, только фасад мазара Манасса шире и приземистее более высокого и стройного узгенского: в его композиции уместилась не одна, как в Узгене, а две вертикальных полосы с надписями.

Технические приемы, стилистические особенности резьбы в обоих

¹⁾ Воспроизведения см. у Северцова: Орограф. очерк памирской горной системы, 1886 г.; у Б. Засыпкина: Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация, 1926 г., и в нашей работе: Искусство Средней Азии, 1927 г.

²⁾ Воспр. у В. Бартольда: Отчет о поездке в Среднюю Азию, 1897 г.

³⁾ Существовал еще целый ряд сооружений, украшенных резной терракотой, как это показывают находимые в Узгене, Оше, Самарканде, Грунч-Мазаре (засняты Е. К. Бетгером) резные терракотовые плиты и их фрагменты. Экспедиция музея Восточных Культур открыла в 1926 г. в Термезе на внутренних стенах мазара и мечети Аль-Термези фрагменты декорации той же техники, но другого характера и, повидимому, более древние.

мазарах весьма близки; почти тождественны иные орнаментальные мотивы. Такая стилистическая близость декорации при сходном плане позволяет с достаточной вероятностью мазар Манасса датировать той же эпохой, что и южный узгенский мавзолей, т.е. концом 12 в. н. э. В заключение

Рис. 8.

хочется поставить вопрос, нельзя ли памятники, украшенные резными терракотовыми плитами, связать с проявлением художественного вкуса турецкого (тюркского) населения Туркестана, т. к. они возникли в эпоху правившей в 11—12 веках в Мавераннахре династии того же происхождения.

Б. Денике.

Le monument représenté sur ce dessin nous offre le mausolée Manassa en Asie Mineure (à 80 kilom. de Aoulis-Ata) qui se rapporte d'après le caractère de sa décoration vers la fin du XII s.

Пещерный храм в Инкермане.

Район Инкермана, обнаруживающий памятники материальной культуры от городища Уч-Баша эпохи палеометалла до турецкой перестройки готто-византийской Каламиты, находится в 7 верстах от Севастополя к Ю-Ю, при впадении Черной речки в Большой Рейд.

Долина реки в северной своей части сдвинута предгорьем, часть

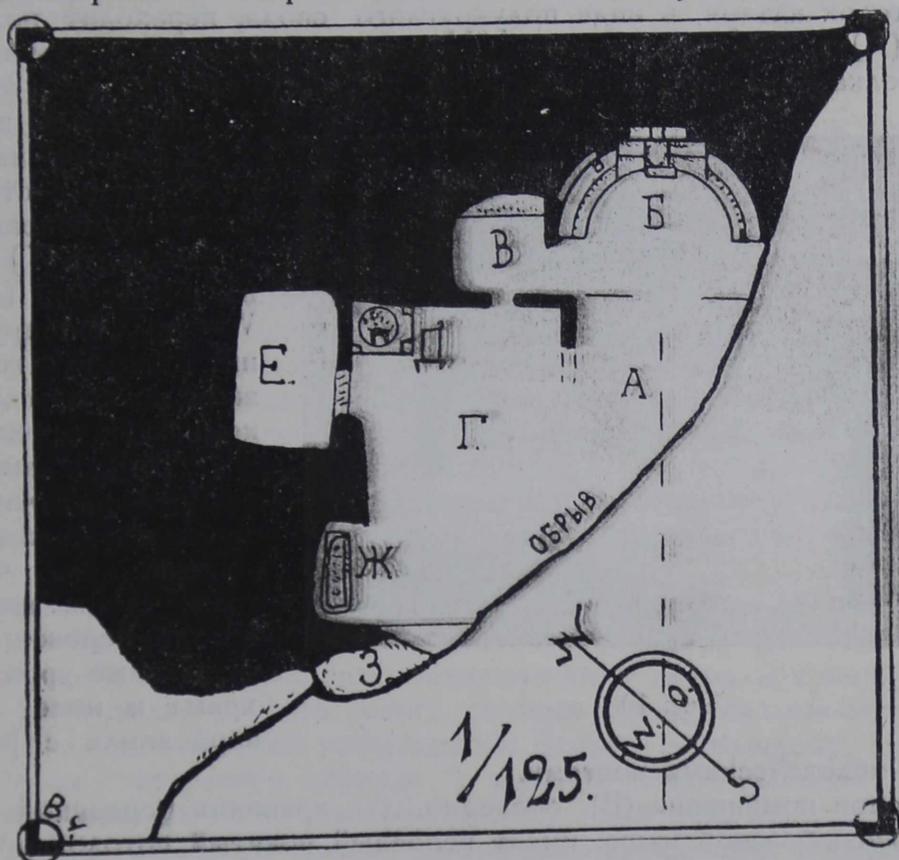

Рис. 9.

склонов которого обрывается отвесными скалами, обнажающими известковые породы Сарматской и Меловой формации.

Серо-желтые громады скал, прорезанные узкими и глубокими балками, на восточном берегу р. Черной сохранили развалины укрепления Каламиты, эпохи готской Дори, и большое городище на плато Загайтани.

Пещерные поселения, насчитывающие в числе своих камер около 10 храмов, разбросаны в отвесах известковых пород по обоим берегам реки, концентрируясь, главным образом, в скале, на которой находится монастырь, и в противоположащей скале Загайтани.

Из многочисленных памятников Инкермана, игнорируя гипотезы о происхождении пещерных поселений¹⁾, мы остановимся на одном пещерном храме (почти не вошедшем в научный обиход²⁾, который, в силу быстрого разрушения мягкой известковой массы, грозит быть изолированным или разрушенным вовсе. Уже сейчас для проникновения в него приходится делать несколько опасных переходов по изгибам, иногда суживающимся до полуаршина над обрывом.

Храм расположен в 20 саж. за поворотом монастырской скалы в балку Гайтани, на высоте 7—8 саж. над тропой, при многоярусной группе пещер.

Обвалом скалы срезана половина храма и значительное количество пещер вокруг него, но восточная часть сохранилась и еще из долины приметны следы росписи в углубленном полукружье алтаря.

Храм (план—рис. 9) до ныне сохранил часть центрального прямоугольника (А), с полуциркульным алтарем в плане (Б), ориентированным на О—45°—N (фотография алтаря, рис. 10); Струков³⁾ упоминает об алтарной преграде со стеною до потолка, с проходом по середине, но, судя по остаткам ее, она, скорей, была типа алтарной преграды в юго-восточном храме Мангупского городища⁴⁾, высотой около 1 ш., чтобы не закрывать росписи в полуовале абсиды.

Потолок алтаря, в виде полукруглого свода, переходит над помещением (А) в плоское покрытие, которое значительно превышает высоту потолка бокового придела (Г) и погребальной камеры (?—Е); на

Рис. 10.

потолке следы высекавшего орудия, имевшего очень узкое место удара. В N—углу бокового прямоугольника (Г) высечена крещальня (Д), а в W—углу, в подрубе стены, могила (Ж) с подрезами по краям для закрывавших могилу плит.

Темная камера (Е), возможно могильник, высечена в техническом отношении хуже, чем сам храм: стены шершавы, потолок неровен; пол камеры ниже уровня пола храма и имеет тонкий слой земли с раздроб-

ленными человеческими костями.

Боковое помещение (В), очевидно, для хранения церковной утвари, судя по дугообразной нише, имеет неровный покаты́й потолок и закругленные углы.

1) Сравнить: Караулов, „Крымские пещерные города и крипты“, ЗООИД, VIII, с. 39 сл.; Кондаков, РДВПС, IV, с. 24; Маркевич, „Очерк истории Тавриды“ Пут. „Крым“, 1923 г., с. 197; Гриневич, „До-татарский период“. Пут. Крым Охриса, 1925 г., с. 25; Эрнст, „Эски-Кермен и пещерные города Крыма“. Бюлл. № 5, Керч, Арх. Конф. от 9/IX—26 г., с. 5—6.

2) План, сравнительно годный, и разрезы, неверные, у Бертье, ЗООИД, XIV таб., фиг. 10—12, текст *ib.*, с. 218; фотография без текста у Кондакова, *ib.*, с. 29, р. 21; неверный план у Струкова, „Др. пам. христ. в Тавр.“, М. 1876, с. 27.

3) Струков, *ib.*, с. 27.

4) Негатив за № 163 от 9/IX—1912 г. в фототеке Херсонск. Госуд. Музея.

Водоем для крещения (Д), в виде куба с круглым углублением, имеющим плоское дно, покрыт полуциркулярной аркой, которая опирается на граненую колонку, высеченную из общей породы.

Глубина его 0,70 м. Внутри ступенька, высотой до половины водоема. Струков говорит, что это „крестильня для детей“¹⁾.

Зачем в таком случае ступенька и такая глубина?

Приспособлений для крещения мы знаем очень немного в пещерных храмах Крыма, напр., церковь в Тепе-Кермене²⁾.

Могила (Ж) (длиною около 1,20 м., шир. 0,40—0,60 м.) имеет по краю пазы для плит, которые еще обмазывались, ибо могила неглубока. С северо-восточной стороны, в ногах могилы, высечена ниша на высоте метра над полом; над нишей надпись, которую не совсем верно издал Бертье-Делагард³⁾. Надпись сделана неглубоким врезом, буквы были покрыты краской; текст начинается крестом (0,06 м. дл.) и очень плохо сохранился. Высота букв 0,03—0,06 м. Юргевич, который перевел для Бертье надпись (сомневаюсь, чтобы полностью, в виду плохой сохранности), говорит⁴⁾, что в могиле одновременно были погребены две женщины по фамилии, вероятно, „Атку“. Надпись очень поздняя (XVI—XVII в.?). Стена для надписи была сглажена в виде площадки, формы неправильного овала.

Храм был оштукатурен, следы чего сохранились на стенах у могилы, у крещальни и в алтаре; нетолстый слой штукатурки сделан почти из чистой извести.

Следы росписи сохранились в углублении абсиды, на своде и на боковой стенке каменной скамьи, своеобразного синтрона, охватывающей стену полукругом в два яруса, с квадратным возвышением для престола посреди.

Стенопись в абсиде сохранилась небольшими фрагментами, в которых преобладает буро-красный и серо-коричневый цвет. В центре намечается голова в темно-желтом нимбе, быть может, фигуры из Деисиса. Краска в характере масляной, о чем говорит и Бертье⁵⁾. На скамье частью сохранился геометрический орнамент в виде параллельных зигзагообразных линий красного и черного цвета, сходящихся к черной вертикальной линии.

Этот орнамент можно восстановить росписью в храме городища Эски-Кермена на восточном обрыве (церк. „Успения“) и другого храма в конусообразном камне на скате, там же.

Орнамент, цвет краски и техника исполнения идентичны.

Н. Л. Эрнст датирует⁶⁾ росписи Эски-Кермена XIII—XIV в.в.

Одновременность росписи пикерманского храма и храмов в Эски-Кермене несомненна и, быть может, роспись исполнена одними и теми же лицами. Это противоречит утверждению Бертье, говорящему, что описываемый храм—татарского периода⁷⁾, судя по стилю надписи.

Ближайшие местные аналогии нашему памятнику находятся в Шулдане, где план большого храма⁸⁾, имеющего крещальню, сохраняет ту же форму алтаря и расположения частей храма. Еще следует отметить, что

1) *Иб.*, с. 27.

2) Боровко, „Тепе-Кермен“, З. К. О. Е. и Л. П. т. III, Симф. 1913 г.

3) См. ЗООИД, т. XIV табл.

4) Бертье, *ib.* с. 220. „...краска, повидимому, масляная“.

5) *Иб.*, с. 218.

6) Бюлл. № 5 Керч. Арх. Конф. от 9/IX—1926 г., с. 5—6.

7) Бертье, *ib.* с. 221.

8) ЗООИД, XIV, табл. фиг. № 41.

алтарь грота св. Леонарда в Массатра (Апулия)¹⁾, в некоторых частях своих близок к нашему храму в Инкермане и, особенно, к юго-восточному храму в Мангуне, сохранившему алтарную преграду.

В. Чепелев.

Le dessin ci-joint représente un temple dans une caverne à Inkermann qui a conservé dans son ensemble une partie de l'emplacement pour les fidèles (A), l'autel (B), la chapelle (Г), le sepulcre (E), la sacristie (B), le baptistère (Д). Les restes de la peinture nous parlent du XIII—XIV s.

¹⁾ Н. Д. Протасов, „Алт. Преч. пещ. хр. в Апулии“ ж. „Светильник“ № 9—12, 1915 г., р. 7.

Несколько слов о Рыбинских древностях.

Рыбинские древности еще почти не вошли в оборот науки древнерусского искусства. Торгово-промышленный город лишь с 70-х годов XVIII в., а до того—Рыбная Слобода, Рыбинск находился вне пределов внимания историков искусства. Между тем Рыбинский край, лежащий в треугольнике крутого излома Волги, уже издревле был ареной многих переkreщивающихся культурных, а, следовательно, и художественных воздействий, шедших по великому водному пути. Потому то является трудно этот край со всей определенностью приурочить в древности к краю Московскому или Новгородскому, а позднее—к первому или к Петербургу. Также следует отметить воздействия поволжской культуры (Ярославля). Можно сказать, что Рыбинский край опирается своим южным основанием на Углич и Романово-Борисоглебск (ныне—Тутаев).

В Рыбинске еще до конца 30-х годов XIX в. стоял собор в Ярославском типе: пятиглавый, двухъярусный, с галереями по трем сторонам, с крыльцами с запада и севера, с внутренними росписями. Самое интересное, что, судя по документам ¹⁾, собор был выстроен в 1614 г., т.е. на 6 лет ранее самой старой Ярославской церкви Николая Надеина, 1620 г. Таким образом, в вопрос о происхождении Ярославских храмов вносится существенная географическая деталь ²⁾.

В 1838 г. старый собор был разрушен и на его месте сооружен новый в подражание Исаакиевскому и отчасти, в деталях, Казанскому в Ленинграде; новый собор, в общем—не плохой, был соединен довольно аляповатой галереей с колокольней, воздвигнутой на запад от собора еще в 1802 г. Таким образом старый собор погиб, казалось бы, бесследно; однако это не так. Ввиду того, что некоторые части росписей были особенно чтимы, их, вместе с частями стен, перенесли к зимнему малому собору, выстроенному, как говорят источники, в 1745 г., к северу от большого собора, на берегу Волги.

Что касается малого зимнего собора, то, вероятно, он лишь переделан в 1745 г., после какой-либо катастрофы (пожара, как говорит предание). По крайней мере, абсиды собора с их поребриком—совершенно в характере XVII в., массив слишком низок, приземист и, вероятно, был выше и имел пятиглавие; теперь он покрыт, по сомкнутым сводам, куполом в характере петербургского барокко первой половины XVIII в. В середине XIX в. собор получил с запада длинную пристройку, на которую, как было сказано, употребили камень старого собора, отчасти целиком перенеся его стены вместе с росписями; конечно, роспись от

¹⁾ См. Город Рыбинск сто лет тому назад. Рыбинск 1910 г.

²⁾ В книге Г. К. Лукомского, Русская провинция, Памятники старинной архитектуры России. Изд. 2-е, П. 1916, стр. 85, собор отнесен к 1686 г.

переноски должна была пострадать; ныне она сильно правлена, записана и не дает больших надежд на какие-либо раскрытия. Тем не менее изучение ее является очередной задачей.

Колокольня 1802 г. ¹⁾, конечно, по красоте своей превосходит оба собора. Барочная, в четыре яруса, с колоннами, поддерживающими раскреповки карниза, с кривым (флаконообразным) куполом, она восходит к

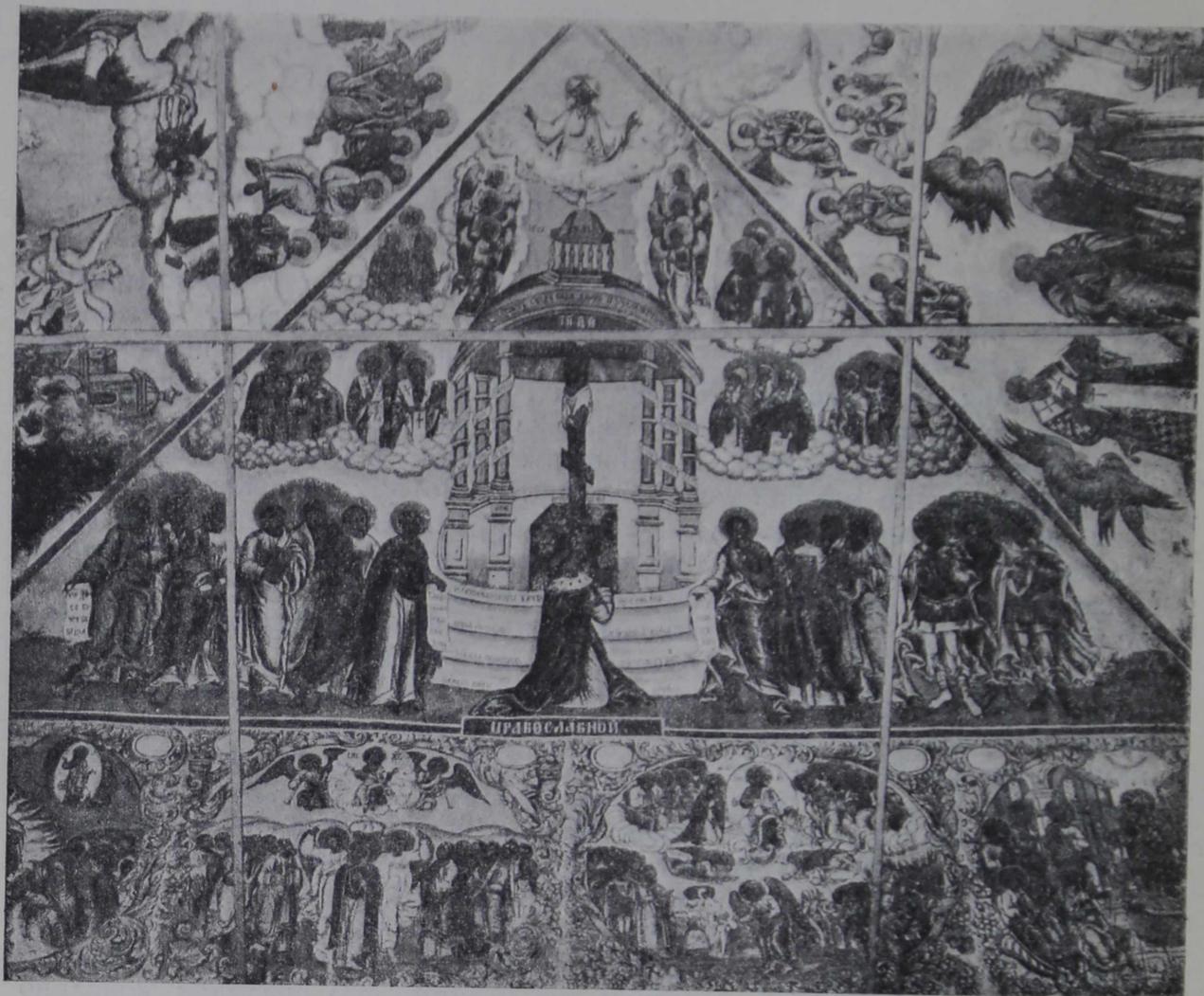

Рис. 11.

школе Растрелли и, еще ближе, Чевакинского, однако по своему позднему времени имея отступления в трактовке ионического ордена. Можно указать и более точные соотношения этой постройки со всем течением русской архитектуры. Три верхние яруса и, особенно, купол находят себе ближайшие параллели в барочных колокольнях XVIII в. среднего Поволжья, особенно Костромы, Больших Солей и проч. Ясно, что рыбинский архитектор сознательно держался поволжского типа (идушего из Петербурга—Чевакинский?). Первый же ярус, с его рустикой, пересеченной плоскими пилястрами, очень напоминает колокольню Троицкой Лавры и, особенно, Твери, т.-е. мы видим школу Ухтомского и Казакова. Нельзя не отметить прекрасного выполнения Рыбинской колокольни; вопрос о мастере имеет большое значение.

На самом мысу Волги и Черемхи, на краю древнего поселения Рыбинска, стоит Казанская церковь. Она каменная и выстроена в 1697 г.

¹⁾ Воспроизведена, отчасти и собор, у Лукомского. О. с. Стр. 87.

в московском стиле, представляя в плане прямоугольник из трех частей: одноэтажного притвора; двухсветного храма, покрытого сомкнутым сводом с пятиглавием над ним на четырехскатной кровле, и алтаря. Все три части имеют в толстых, разделяющих их, стенах по три пролета, при чем средний пролет значительно шире боковых. Вся церковь сплошь расписана. На двух промежуточных простенках между притвором и храмом, на восточной их стороне, находится запись; приводим ее в извлечении на южном простенке и полностью на северном: „в лето 1766 году месяца мая 10 дня... начата бысть сия церковь... стенным иконным изображением писатися при державе... императрицы Екатерины Алексеевны... и строителе ¹⁾ диаконе Борисе Николаеве... а совершился 1768 году месяца июня 4 дня“. „А трудившиися... иконописцы града Ярославля купцы Федор Иларионов Пототуев, Михайло Алексеев Сопляков, Василий Васильев Курецков, Стефан Андреев Столарев, Ефим Михайлов Сопляков, Иван Никитин с сыном Федором Ивановым Горины, Иван Стефанов с сыном Власием Ивановым Сарафанниковы, Стефан Григорьев Завязошников, Иван Иванов Сарафанников, Николай Афанасьев Гребенщиков, а подмазывал левкасом постное писание Алексей Иванов Щекин“.

Перед нами позднейшее проявление ярославской живописной школы, уже выродившейся в совершенное ремесло. Фрески закопчены, кое-где правлены, их колорит уже не имеет того радостного цвета, как в лучших росписях Ярославля, Ростова, Костромы, Тутаева. Интерес изучения лежит в вырождении стиля, при чем не в композиции и рисунке, как мы это видим например в поздних, первой половины XVIII в., росписях Костромы, (церковь Иоанна Богослова за р. Костромкой, Сергиевская церковь и др.) ²⁾, а, именно, в колорите, в живописной фактуре. С другой стороны фрески значительно архаичны и лежат как бы вне влияний новой русской живописной культуры. Перед нами едва ли не последний памятник ярославского живописного наследия. Интересны композиции сводов: на восточном—Покров, на южном—Страшный суд, на западном—так называемая София Ярославская („Премудрость созда себе дом“—см рис. 11), на северном—София Новгородская.

Композиция рисунков, богатейшая орнаментика несут на себе следы хороших традиций.

Наконец, в дополнение к Рыбинским древностям следует указать Михалковскую усадьбу за Волгой, против города, с ее домом, нижний этаж которого выстроен еще при Анне Иоанновне, но в кладке сводов и типе комнат имеет родство с XVII в. Дом сильно переделан, но в одной комнате сохранились три фрагмента лубочной стеной живописи доморощенных крепостных живописцев: во-первых, сатирическо-аллегорическая композиция на взятие Данцига (Гданска), современная событию; во-вторых, городской ландшафт, возможно—Петербурга с Фельтеновской решеткой Летнего сада, и, в третьих, над дверью, плохо сохранившееся изображение какого-то четвероногого.

А. Некрасов.

Les antiquités de la ville de Rybinsk sont peu connues. On voit ici le dessin de l'église de la Sainté Vierge de Kazan, qui se rapporte à l'année 1768 et qui n'est qu'un exemple tardif de l'école artistique de Iaroslavl au XVII s.

¹⁾ Здесь имеется в виду „строительство“ фресок, т.е. заказ их; в древности нередко „строителями“ храмов назывались их „строители“ в том или ином отношении.

²⁾ См. нашу рецензию на соч. Н. В. Покровского. Памятники церковной старины в Костроме. (Ж. М. Н. Пр., 1910, № 4), а также статью „Костромской край в истории древне-руск. иск“. (III Истор. Сборник. Труды Костр. Научн. Общ., вып. XXX).

Костяная пластинка перв. пол. XVIII в.

В коллекции резной кости Этнографо-Археологического Музея 1-го МГУ обращает на себя внимание пластинка с изображением битвы под стенами города и надписью „Баталия“, поступившая из Егорьевского отделения музея в октябре 1926 года (рис. 12).

Прямоугольная пластинка является передней боковой стенкой коробочки, что можно заключить из следующего: верхний край пластинки имеет выступающую закраинку, на которую находила крышка и в которой есть крохотная выемка, для замочка; с правой стороны и снизу видны продольные выемки, в которые входили соответствующие выступы правой боковой стенки и доньшка; с правой же стороны, сбоку, находятся следы двух отверстий, снизу также два, просверленных в толще пластинки, отверстия, в которые были вставлены скрепляющие костяные штифтики, при чем в правом отверстии еще сохранился обломок штифта. Обычно стенки и дно скреплялись тремя штифтами и как раз на месте третьего отверстия пластинка, очевидно, раскололась и была обрезана по облому почти до прямой линии (по облому видны грубые следы ножа).

Размер пластинки: ширина—73 мм., длина по верхнему краю—97,3 мм., по середине—100 мм., по нижнему краю—98,4 мм., толщина по борту—6,4 мм. Основываясь на расстоянии от края пластинки до правого штифта и на положении надписи, можно предполагать, что длина пластинки была в целом виде равна 112 мм. Утерянная часть изображения, за вычетом 5 мм. ширины борта, не превышает 7 мм.

Материал—слоновая кость чудесного, теплого, желтоватого тона с сильным блеском полированных поверхностей и ясно видными, даже невооруженным глазом, с обратной стороны пластинки тонкими параллельными линиями, характерными для срединной части бивня; почти по середине пластинки проходит полоса более темного желтого цвета, след близко пролежавшей внутренней полости бивня.

Спускающиеся с верхнего края три треугольника, очевидно, имели продолжения на крышке и должны были изображать накладки замков. На верху, по середине, на ленте с разрезными концами, надпись „Баталия“; шрифт, по мнению проф. А. С. Орлова, относится к первой половине XVIII века.

Рельеф, в общем, отличен от обычного русского рельефа на кости—очень плоского, сходящегося с плоскостью фона часто под прямым углом с фигурами почти силуэтными и деталями данными гравировкой.

Все изображенное заключено между двумя плоскостями—фона и воображаемой передней плоскостью, которые несколько как бы стискивают форму. Формы фигур, сочные, довольно округлые, все же явля-

ются распластанными и как бы наложенными на нейтральную плоскость фона. Город дан в гораздо более плоском рельефе.

Эта распластанность формы особенно заметна на всаднике переднего плана, вся фигура и конь которого даны в одной плоскости, тогда как круп коня и спина всадника даны изображенными в ракурсе, видимыми сзади; вследствие этого туловище коня как бы перегибается в середине под ногой всадника, а левое дальнее плечо всадника, вырезанное даже более выпукло, чем правое, вылезает вперед.

У воина, поверженного на колени и прикрывающегося щитом от копыт коня, поворот нижней части тела, данной в профиль, не совпадает с поворотом верхней, тоже распластанной, как бы из желания сделать ее более видимой.

Пропорции головастых фигур тяжелы; воины носатые, с толстыми щеками, глазами выпуклыми, без век и зрачка,—все на одно лицо; зато

Рис. 12.

костюмы резчик очевидно стремился разнообразить в пределах типа псевдо-античного вооружения—наплечники с маской и из подвижных членений, рукава короткие и длинные, шлемы гладкие и с султанами из перьев, различной формы мечи и щиты.

В типе коня крутошеего, с оскаленными зубами, коротким и тяжелым туловищем, не столько поднявшегося на дыбы, сколько присевшего на задние ноги, видна традиция, восходящая к Итальянскому Возрождению; таких коней мы встречаем уже у Паоло Учелло. Мастер, одев воинов в „античные“ костюмы, посадил их на коней тоже по античному—на чепраках без седел, но... снабдил их стремянами! Зависимость города, с его крепостными стенами и многочисленными шпилями, украшенными флажками, от западной гравюры и миниатюры тоже очевидна.

Очень напряженное и выразительное движение имеет какой-то оттенок наивности, комизма; особенно потешно удирает крайний справа воин, огля-

дываясь на преследующего врага. Мастер разнообразит мотивы движения, дает сложные энергичные повороты, но последние ему не всегда удаются.

Перспективное сокращение отсутствует. Фигура убитого воина, лежащего на переднем плане в левом углу, меньше всех. Среди голов коней самая дальняя — самая крупная. Все это напоминает приемы обратной перспективы.

Тщательно подчеркнуты все мелочи: подошвы сапог, копыта, оскаленные зубы и складки кожи лошадей, складки одежд, тонко разработанные хвост и гривы коней; но эта тщательность отделки отнюдь не переходит в узорочье. Фон остается гладким, нейтральным; несколько флагов и копий даны гравировкой.

Композиция сражающихся построена по нисходящей диагонали слева направо. Бурное движение битвы левой стороны композиции постепенно ослабевает, переходя направо, тугой клубок переплетенных тел людей и лошадей, распутываясь, заканчивается фигурой убегающего воина, данной целиком на спокойной глади фона. Правая сторона уравновешена городом, вырастающим непосредственно из глади фона — нижняя граница стен не показана.

Античные костюмы, островерхий город, реалистический экспрессионизм, стремление к округлости и пластической выразительности формы с одной стороны, отсутствие какого-либо иллюзионизма, плоскостность, следы обратной перспективы, наконец, надпись — с другой, — все это вместе взятое говорит о работе русского мастера, находившегося под сильным западным влиянием, знакомого с западной гравюрой, несомненно, отразившейся на нашем произведении.

Строгая простота карниза рамки, гладь фона, отсутствие каких-либо украшающих элементов вроде волют, картушей, диагональное построение композиции, жестокая энергия битвы, выразительные, но отнюдь не грациозные движения воинов, столь не похожие на танцующие позы персонажей рококо, наконец излюбленный в петровской эпохе батальный сюжет, заставляют отнести нашу „Баталию“ к первой четверти XVIII века, чему не противоречат и данные надписи. Западные же параллели „Баталии“ могут быть XVII в., в духе зрелого барокко.

Большое мастерство резчика, его знакомство с западным искусством, наконец материал — чудесная слоновая кость, чуждая нашему Северу, работавшему из моржевой и мамонтовой кости, говорят за то, что эта пластинка является обломком произведения столичных мастерских, не могущим быть отнесенным к более позднему времени, что было бы допустимо для провинциального произведения.

В богатейшей коллекции русской резной кости Гос. Исторического Музея нами ничего аналогичного и даже близкого по технике и сюжету не обнаружено, что делает „Баталию“ особенно ценным приобретением для Этнографо-Археологического Музея I М. Г. У.

Е. Томиловская.

Cette plaque en ivoire vient de la collection du Musée et se rapporte au premier quart du XVIII s.; elle représente le fragment d'une cassette. Ce travail éminent nous annonce un artiste russe connaissant l'art allemand du baroque tardif.

Миниатюрная гравюра пер. пол. XIX в.

В начале 1926 г. в Этнографо - Археологический Музей I М. Г. У. поступил вделанный в запону, замечательно тонкой работы и высоко художественного значения гравированный портрет-миниатюра, издаваемый здесь в натуральную величину (рис. 13).

Вдавленная снизу ножка запонки как будто говорит о более позднем ее происхождении, но к сожалению невозможно сказать достоверно, существовала ли ножка изначально или была приделана позже к маленькому, овальному плоскому медальону, потому что ножка припаивается обычно во всякого рода запонках безразлично.

Рис. 13.

Работа миниатюры заставляет подозревать прекрасного мастера. Ясные, твердые параллельно протекающие линии говорят о гравюре резцом. Резцом же, несмотря на крайне малые размеры нашей миниатюры, $5\frac{1}{2}$ л. дл. \times 4 л. ширины, сделаны лицевые партии, причем штрих столь мелок, что производит впечатление пунктира. Гравер прибегает к утолщению линий в теневых местах. Фон заштрихован пересекающимися линиями—густая внизу, у плеч портрета, сетка становится легче и реже кверху, и над головой мы видим уже лишь параллельную штриховку, без пересекающих линий.

Гравюра обрезана, но на левом ее краю мы усматриваем конец штриховки, образующий линию овала, что совершенно уничтожает предположение о том, что портрет вырезан из какой-то большой групповой миниатюры или портрета в рост. Несомненно, портрет этот с самого начала был награвирован в наших размерах, и доска его точно ему отвечает.

Что касается до контурных линий, то мы должны отметить стремление гравера закрутить ее, дать завиток—так изгибаются линии обрамления волос, носа и губ. Пробор не имеет контурной линии, которую заменяют закругленные кончики штриховки волос. Академизм портрета лишает его резко индивидуальных черт и затрудняет поиски оригинала. Кто он?—один-ли из австрийских герцогов? или, что исторически вполне возможно, лицо русского происхождения, лишь облеченное в австрийский мундир, если принять, что белый мундир есть непременно австрийский.

Определение оригинала гравюры дало бы возможность отыскать и гравера, начертавшего прелестный портрет. Одно несомненно—датирование портрета первой половиной XIX в. и притом скорее ее серединой.

Было высказано предположение, что портрет представляет собою сына Бонапарта, герцога Рейхштадского. Однако лишь внешнее сходство мундира, орденов, прически напоминает известные юношеские портреты последнего. Круглое лицо, такие же брови, широкие выпуклые глаза с толстыми веками и, в общем, неприятное холодное и злое выражение

нашего портрета являются совершенно оригинальными. Портрет был приобретен у наследников генерала Н. И. Гартунга и по семейным преданиям является портретом юного Николая I, подаренным им Гартунгу. Уже это одно говорит за невозможность изображения на портрете сына Бонапарта, если вспомнить, с какой дружбой относился Николай I к Австрии и с какой безжалостностью уничтожал хотя бы и высокие произведения искусства, если только они с какой-либо точки зрения были ему враждебны. Проверить же справедливость семейного предания в отношении изображенного лица крайне трудно, так как отроческая иконография Николая I отсутствует. Кроме того неясно, когда мог состояться подарок. Николай I любил отмечать эпизод из своей юности—участие в смотре в Вертю, 1815 г., в составе Фанагорийского полка¹⁾, заслуженным офицером которого был Гартунг, уже имевший в это время отличия за Аустерлиц, Бородино и Лейпциг.

Не имел ли подарок меморативного значения? Впоследствии Гартунг был одним из наиболее близких лиц к Николаю I. Интерес последнего к гравюре известен.

О. Лаврова.

La gravure ci-jointe dans sa grandeur naturelle vient de la collection du Musée et se rapporte à la première moitié du XIX s.; cette gravure est enchassée dans un bouton de chemise en or; elle a été offerte par l'Empereur Nicolas I au général Hartung et d'après les traditions de la famille représente Nicolas I dans sa jeunesse.

1) Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб. 1903.

Отто Мюндлер.

(Музеографический этюд).

Имя, очень мало говорящее даже специалистам ¹⁾. Между тем оно принадлежит авторитетнейшему в свое время знатоку искусства ²⁾ того универсального или международного типа, который выработался в период 30—50-х г.г. прошлого столетия. Недаром Мюндлера относят к „славной троице атрибуторов“ ³⁾, два других имени из которой знакомы каждому студенту-искусствоведу—Кавальказелле и Вааген. Париж времени июльской монархии становится центром энергичнейшей мобилизации европейского капитала в руках нуворишей посленаполеоновской формации, с несомненным спекулятивным уклоном. Одним из выражений такого ажиотажа является охватившая всех лихорадка художественных аукционов, о которой писал Мюндлер в одной из своих корреспонденций из Парижа: одни продают художественные ценности для того, чтобы купить новые; другие покупают их для того, чтобы впоследствии продать; третьи просто распродают свои собрания, ничем к тому не побуждаемые; четвертые покупают, сами не зная, что они будут впоследствии с ними делать. Это ведет к организации специальной кампании акционеров, централизующей в своих руках весь художественный рынок и к 60-м годам доведшей годовую оборот фирмы до колоссальной суммы в 15 миллионов франков ⁴⁾, что в свою очередь порождает новый тип атрибутора-оценщика или эксперта, каким официально и был всю свою жизнь Отто Мюндлер. В отличие от прежних аукционных экспертов, задачей которых было главным образом документирование происхождения и, таким образом, „подлинности“ ⁵⁾ художественного произведения, теперь в роли эксперта выступает знаток, соединяющий в своем лице и другую специальность ученого специалиста в области истории искусства или художественного критика. Знаточество (Kennerschaft) получает новую социальную базу: оно является принадлежностью не столько коллекционера-люби-

¹⁾ Родился в 1811 году в Баварии. С 1835 года и до смерти (1870 г.) жил в Париже. Его довольно значительное собрание было распродано в Париже в 1871 (см. *Chronique des Beaux Arts*), а библиотека—у Вейгеля в Лейпциге в 1872 году. Некрологи Лютцова в „*Kunstchronik*“ (1870, № 14) и Любке в „*Zeitschrift für bildende Kunst*“. VI B. (1871).

²⁾ Отзывы Morelli, испытавшего на себе сильное влияние Мюндлера (см. Frizzoni, биографию Морелли, S. XXXV и Morelli, *Gallerie in München*), Викхова, Лютера и др.

³⁾ См. некролог Любке.

⁴⁾ *Guide de Paris*. 1867. Статья Burty „L'Hôtel de Veutes“ и Жакмара *Collections privées*—всего к этому времени насчитывается их в Париже свыше 300.

⁵⁾ *Ibid.* Как известно, наиболее упорно держатся труднее всего доказуемые традиции атрибуций. Чем дальше вглубь веков, однако, заходило приписывание художественного произведения какому-либо крупному мастеру, тем само собой, разумеется, выше была материальная ценность его.

теля, сколько профессионала-искусствоведа или музееведа. В этом последнем отношении и знаменательна более всего роль Мюндлера. Не будучи официально музейным деятелем, он сыграл совершенно исключительную роль в той главной отрасли музейной работы, которая и является собственно научной, а именно — области определения состава музейных собраний. Главные факты здесь таковы: а) первый критический обзор и пересмотр картин лучшего и наиболее популярного для своего времени луврского собрания (1850), сразу же обнаруживший в Мюндлере совершенно исключительную прозорливость и свободу от поверхностных традиций приписывания картин популярным мастерам¹⁾; б) подробные критические рецензии на новые каталоги мюнхенской пинакотеки (1865) и аугсбургской картинной галереи (1869), радикально отвергнувшие ряд официальных атрибуций музейной администрации²⁾; в) участие и руководство научно-популярными изданиями по брауншвейгской (1868) и касельской (1870) галереям в офортах Унгера, являющимися до сих пор непревзойденными образцами тактичного и беспритязательного руководства, основанного на точнее проверенном фактическом материале³⁾; здесь — рядом с чеканно-ясным, академическим языком Ваагена и по гальски живым изложением Бюрже (Торè), также принимавшего участие в описании — рельефно вырисовываются достоинства мюндлеровского текста; г) долготелая связь с лордом Истлейком (Eastlake), директором Лондонской Национальной Галереи, скрепленная многократными совместными поездками в Италию, во время которых Мюндлер являлся арбитром в вопросах приобретений для этого исключительно богатого шедеврами собрания⁴⁾; д) дополнения, сделанные во втором издании (1870) всемирно известного путеводителя по итальянским собраниям „Cicerone“ к первоначальному тексту Бурхардта, в огромном большинстве своем сохраненные и во всех позднейших многочисленных изданиях. Объяснения того факта, что выбор в этой ответственной задаче пал на Мюндлера, следует искать в широкой популярности последнего, как одного из лучших знатоков итальянского искусства. Репертуар весьма ценных, собиравшихся в течение ряда лет заметок — материалов к задуманному Мюндлером словарю художников — был положен в основание итальянского отдела известного словаря Юлиуса Мейера⁵⁾, этого первого опыта коллективной научной полиграфической работы в области искусствознания, ставшего отныне непременным спутником каждого музееведа и знатока искусства. Этот словарь должен был сменить другое, еще более популярное словарное руководство Наглера, полное ошибок и сведений, взятых из вторых и третьих рук. Главным грехом его в глазах Мюндлера было то, что Наглер „никогда и не видел многих из тех произведений, о которых писал“. Недаром ведь для того поколения атрибуторов и знатоков, к которому принадлежал Мюндлер, аутопсия была непременным условием научной работы. Непременным условием в свою очередь, аутопсии были постоянные путешествия по Европе, которые столь характерны для славной

1) Essai d'une analyse critique de la notice des tableaux italiens du Musée du Louvre par Otto Mü n d l e r. Paris. 1850, 12°, 228 p.

2) Первая в „Rezensionen über bild. Künste“. IV 49. 1865; вторая в Zft. f. v. K. 1868.

3) Meisterwerke der Braunschweiger Gallerie в Zft. f. b. K. 1868. и Die Gallerie zu Cassel in ihren Meisterwerke. Text von Otto Mü nd l e r. Leipzig. 1870.

4) С 1855 года состоял в должности официального эксперта Лондонской Галереи. Здесь следует исправить досадную оговорку Hofstede de Groot'a в его известном Каталоге художников (том, посвященный Гальсу), где упоминается о Мюндлере, как „о торговце художественными произведениями“ (по поводу портрета van der Cooyhen'a). В действительности, этот портрет лишь входил в его личное собрание. См. M o e s, Frans Hals. 1908.

5) Здесь Мюндлеру непосредственно принадлежат следующие небольшие заметки Lequisti, Ademollo, Aegerts, Agrate, Agresti, Alba, Alboni, Aldis. См. также Vorbericht über den Plan des allgemeinen Künstler-Lexicon von Julius Meyer. Leipzig, 1872.

плеяды Ваагена, Бюржè, Виардо, Боде и др. Мюндлер в течение своей жизни успел побывать во всех мало-мальски значительных музейно-художественных центрах Англии, Австро-Венгрии, Нидерланд, Германии и даже в Петербурге (в 60-х г.г.) ¹⁾. В Италии же он был всего 13 раз, исколесив ее вдоль и поперек. Каждое посещение им музея вызывало на спор, на новые атрибуции и открытия и вдохновляло музейный персонал к дальнейшей плодотворной работе. Таким образом, реальный след Отто Мюндлера в художественном музееведении неизмеримо значительнее того, что непосредственно сохранило нам его на редкость скромное авторское перо. ²⁾.

М. Фабрикант.

Otto Mundler, célèbre connaisseur de l' art à Paris au milieu du XIX siècle, qui a participé dans les grandes acquisitions de la Galerie Nationale à Londres. Le rôle de Mundler est encore plus important dans la nouvelle appréciation des objets d' art des musées européens, le Louvre y compris. C' est encore Mundler qui a pris part dans l' édition du premier dictionnaire scientifique des artistes par Meyer.

¹⁾ По наведенным нами справкам в дневнике Картинной Галлерей Эрмитажа не имеется никаких записей, связанных с именем Мюндлера, который несомненно был в Эрмитаже.

²⁾ Подписывался Мюндлер обычно двумя буквами О. М. или греческими *om*. Будучи в духе времени „итальянистом“ по преимуществу, Мюндлер тем не менее обладал обширнейшими познаниями и в области северного искусства. Так, первая научная монография о Дюрере (Таузинга), именно, ему обязана рядом специальных сведений. См. W. Waetzold. Deutsche Kunsthistoriker, II Band (1924) S. 124. Его качественные оценки, как напр. работы Гирляндайо (ср. 3-ье и 10-е изд. „Cicerone“, S. 883 и 708), так и прямые атрибуции сохраняют свое значение до сих пор; см., напр., о конном портрете Веласкеза в Шлезгейме (Der Cicerone in d. Pinakothek, von Hirt und Muther, S. 192), женском портрете, приписывавшемся Парису Бордоне и признанном им копией 19 века (ibid. S. 91, Amp) или о портрете работы Якопо де Барбари в Лувре (Fr. Wickhoff. Les écoles italiennes au Musée de Vienne,—в Gaz. d. Beaux Arts. 1893, p. 6).

Хроника Этнографо - Археологического музея Этнологического факультета 1-го М. Г. У.

1 марта 1926 г.—1 января 1927 г.

Десятимесячный период жизни и деятельности Музея, протекший со времени опубликования его „отчета“ (по 1 марта 1926 г.), внес расширение как в личный состав, так и в коллекции музея, в его библиотеку и лаборатории. При заведующем музеем был создан Ученый Совет музея, в который вошли представители от отделений Этнол. факультета: от Этногр. Отд. проф. П. Ф. Преображенский, от Лит. Отд. проф. А. С. Орлов, от Ист.-Арх. Отд. препод. А. С. Башкиров, от Отд. Изобраз. Иск. препод. М. И. Фабрикант; кроме двух существующих помощников хранителя, были назначены еще два ассистента, М. В. Алпатов и Н. И. Брунов.

Музей пополнялся по прежнему путем приобретения, даров и административных перечислений. Особенно богато было последнее. Из отделения музея в г. Егорьевске, Московской губ., переданного городу, были изъяты предметы (всего в количестве 1341), наиболее важные и интересные для преподаваемых на Этнолог. факульт. дисциплин. Особенно надо отметить пополнение предметами по этнографии китайской, монгольской, египетской, нубийской, абиссинской, суданской, персидской, грузинской, мордовской, северо-американских индейцев, японской и отчасти моравской. Кроме того поступило и несколько памятников Др. Египта (маски и части пелен мумий, ритуальные изображения божеств мертвых и др.). Множество предметов относится к великорусской этнографии (костюмы, уборы, украшения, музыкальн. инструменты), народному искусству (особенно выдаются одиночные сани богатой резьбы XVIII в.), церковным древностям; значительный интерес представляют старопечатные издания виленской, киевской и московской печати XVI—XVII в.в., костяные изделия, стекло, фарфор, прекрасные русские костюмы и головные уборы XVIII в., шитые золотом, медная и оловянная посуда, эмаль, фаянс, музык. инструменты, железные изделия, бисер, шитье по шелку (особенно интересны вышивки человеческими волосами), изразцы XVII—XVIII в. и т. д.

Приобретено было 96 предметов, среди которых надо отметить евангелие 1574 г. печати Петра Мстиславца, рукопись XVI в. с миниатюрой, золотую запонку с гравиров. портретом, ряд предметов русского лака, персидский лак, дерев. резные ножны немецкой работы 1586 г., арабские диргеми X—XI в.

Экспедицией Этнол. факультета (студ. Девлет, Баскаков и Иванов) привезены для музея полный костюм Кара-Калпака—музыканта, с его инструментом и вещами домашней обстановки, всего 14 предметов.

От студ. Барского, командированного к Самоедам, получены из Тунгской тундры 15 предметов одеяния, обуви, домашних вещей и ритуальных изображений.

В дар музей получил от архит. А. А. Иванова-Терентьева чашку с блюдцем и крышкой—первый Сакс (начало работы этой фабрики), от Д. С. Айзенштат—3 роговых табакерки с резной инкрустацией, от ст. Девлета—восточный шлем, от проф. Сабанина—11 алюминиевых и железных немецких монет 1917—1923 г., от проф. В. К. Трутовского—11 бронзовых скифских наконечников стрел из Букивской орды.

В музее занимались и пользовались для лекций его предметами—проф. А. И. Некрасов, проф. А. А. Сидоров, проф. А. В. Бакушинский, препод. М. И. Фабрикант, проф. А. С. Орлов, проф. Б. П. Денике, препод. Е. А. Столяревский и проф. В. К. Трутовский. Из сторонних музеев лиц занимались—инспектор постановок Лет. С. П. С. Н. Ф. Аксагарский, Ю. А. Бахрушин—для постановки „Царской Невесты“ в муз. студии им. Станиславского, библиот. Концесс. В. А. Барут.

В музее работали при установке предметов из Егорьевска студ. Некрасова, Анненкова, Снегирев, Якобсон, Буржинская, Журов, Кронман, Лисенко, Мануйлова, Никифоров, Иванов.

Пополнение библиотеки в отчетном периоде шло с большой интенсивностью. Всего поступило за это время книг и журналов 600 названий, из коих из Егорьевска передано 216 и получено в обмен и дары от музеев Грузии, Дагестана, Троице-Сергиевского, Калужского, Изящных Искусств, Nordiska Museet, Академии Истории Материальной культуры—40, и от отдельных лиц—проф. А. И. Некрасова, арх. А. А. Иванова-Терентьева, зав. музеем Донского монастыря А. И. Леонова и проф. В. К. Трутовского—16.

Продолжался разбор и систематизация книг, в коей принимали участие студенты Анненкова, Журов, Иванов, Некрасова, Никифоров и практикантка ЛИТО Катагощина.

По лаборатории в настоящее время имеется всего 5900 репродукций, из коих за отчетное время поступило между прочим 796 диап. по этнографии от Этнографического Кабинета и от проф. В. Н. Харузиной.

Много фотографий, снимков и негативов поступали вновь в зависимости от проведенных экскурсий и специальных поездок. Так сделаны снимки всех значительных памятников древнего зодчества городов Московской губернии.

По приведению в порядок и определению немых фотографий работали практиканты студенты—Чегодаев, Гершензон, Гурвич.

Инвентарь музея пополнился новыми витринами, шкафами, стеллажами, аппаратами, объективами и разными приспособлениями для фотографической работы. Однако помещение музея и его оборудование остаются более, чем недостаточными.

За отчетное время были организованы экскурсии студентов под руководством профессоров А. В. Бакушинского, А. И. Некрасова и Е. А. Столяревского, при участии помощников хранителя О. И. Лавровой и Е. М. Томиловской. Всего проведено 12 экскурсий с 40 студентами. Кроме того пом. хранителя О. П. Лаврова собирала, по заданиям музея, этнографические наблюдения в Кахетии, а также изучала музеи Грузии, а студ. Якобсон получал командировки в Херсонес и Керчь.

Проф. А. И. Некрасов изучал художественные древности городов Московской губ., при участии помощн. хранит. Е. М. Томиловской.

Ассистенты М. В. Алпатов и Н. И. Брунов работали над систематическим исследованием художественных памятников Москвы.

За отчетный период музей выпустил свои „Труды“, в состав которых вошли статьи: проф. В. К. Трутовского—Векша, веверицы и бела; проф. А. А. Сидорова—неизвестный рисунок Пьетро да Кортоня; проф. А. И. Некрасова—О принципах образа в русской народной скульптуре; асс. Н. И. Брунова—Собор Соввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода; асс. М. В. Алпатова—Иконы Вознесения в собрании Рябушинского и студ. М. А. Ильина—Псевдогоготическая усадьба Московской губ.

В. Трутовский.

Chronique du Musée.

Durant la période du 1 Mars 1926 au 1 Janvier 1927 les collections du Muse Ethnogr. Archéolog. se sont considerablement enrichies, grâce sur tout aux deux expeditions faites par quelques étudiants de la 1-re Université de Moscou, dont l' une chez les samojedes, la seconde au pays autonome des Kara-Kalpaques, dans l' Asie Mineur. D' autre part la liquidation du Musee filial de Egorievsk (gouv. de Moscou), a procure plus de 1400 objets d' Art d' Archeologie et d' Ethnographie du plus haut intérêt.

La Bibliotheque adjointe au Musée s' est également accrue de plus de 600 ouvrages (monographies et Journaux scientifiques) achetés par le Musée ou bien provenant de donations privées et d' échanges avec différentes institutions scientifiques de Russie.

Quant à la section de reproductions photographiques, elle a été augmentée surtout par des diapositives ethnographiques (plus de 700 №№) ainsi que par l' acquisition de photographies détachées et différents albums et éditions de gravures, photos etc.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Проф. П. Ф. Преображенский. К вопросу о природе брачно-групповых отношений в Австралии	3
Проф. А. Н. Максимов. Паланцы и Укинцы	8
„ „ Пахание реки	15
Проф. А. С. Орлов. Юго-славянский текст в русской переписке	21
Препоп. А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года	25
Проф. Б. П. Денике. Об одном до-монгольском памятнике Средней Азии	41
Студ. В. Чепелев. Пещерный храм в Инкермане	43
Проф. А. И. Некрасов. Несколько слов о рыбинских древностях	47
Асс. Е. М. Тамиловская. Костяная пластинка первой половины XVIII в.	50
Асс. О. И. Лаврова. Миниатюрная гравюра первой половины XIX в.	53
Преп. М. И. Фабрикант. Отто Мюндлер	55
Проф. В. К. Трутовский. Хроника Этнографо-Археологического музея	58

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ
О Т Ч Е Т
Этнографо-Археологического Музея

Москва — 1926 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

В в е д е н и е

- Проф. А. И. Некрасов. Статуи-скворешни.
„ В. К. Трутовский. Рязанские пломбы.
Практикант Л. М. Баранова. Финифтяная пряжка.
Ассистент О. И. Лаврова. Хроника Музея.
-

Т Р У Д Ы
Этнографо-Археологического Музея

Москва — 1926 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

В в е д е н и е

- Проф. В. К. Трутовский. Векша, веверицы и бела.
„ А. А. Сидоров. Неизвестный рисунок Пьетро да Кортоня.
„ А. И. Некрасов. О принципах образа в русской народной скульптуре.
Асс. Н. И. Брунов. Собор Соввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода.
Асс. М. В. Алпатов. Иконы Вознесения б. собрания Рябушинского.
Студ. М. А. Ильин. Псевдоготическая усадьба Московской губ.
-
-

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
в Издательство 1-го М. Г. У

Москва, Моховая, 11.

1971

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
В ИЗДАТЕЛЬСТВО 1 М. Г. У.
МОСКВА, ЦЕНТР, МОХОВАЯ 11.